

■ ЛЮДИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ ■

М. РЕБРОВ
Н. МЕЛЬНИКОВ

ДАЙ
РУКУ,
КОСМОС!

■ ЛЮДИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ ■ ЛЮДИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ ■

Летчики-космонавты СССР, Герои Советского Союза
Павел Беляев и Алексей Леонов

ИЗДАТЕЛЬСТВО

**М. РЕБРОВ,
Н. МЕЛЬНИКОВ**

ДАЙ РУКУ, КОСМОС!

„С О В Е Т С К А Я Р О С С И Я“ ■
М О С К В А ● 1 9 6 5

51

5261

— «Заря!» Я — «Алмаз-один». Человек вышел в космическое пространство! Человек вышел в космическое пространство! Я — «Алмаз-один». Прием.

Эти слова прозвучали над нашей планетой 18 марта 1965 года. Передал их с борта корабля «Восход-2» его пилот и командир полковник Павел Беляев.

В книге «Дай руку, космос!» журналисты М. Ребров и Н. Мельников рассказывают об этом свершении нашего века, об экипаже корабля «Восход-2» Павле Ивановиче Беляеве и Алексее Архиповиче Леонове, об их детстве, юности, о мечтах, увлечениях, о жизненных дорогах, которые привели их в космос.

Авторы близко знали космонавтов задолго до полета — присутствовали на тренировках, вместе отдыхали, провожали в космос. Один был на космодроме, другой следил за полетом с пункта управления. Встречали героев-космонавтов в Москве. Так родилась эта книга.

Под редакцией генерал-лейтенанта авиации
Героя Советского Союза **Н. П. Каманина**

Большая радость в нашем доме! Беспрецедентный новый подвиг советского народа, советского человека!

...На мгновение остановились, словно замороженные, телетайпы самых крупных информационных агентств, замолкли голоса дикторов радио, приторможены ротаторы газетных концернов. Остановились, чтобы в следующее мгновение разнести в самые отдаленные уголки планеты величайшую сенсацию дня:

„СООБЩЕНИЕ ТАСС

18 марта 1965 года в 10 часов по московскому времени в Советском Союзе на орбиту спутника Земли мощной ракетой-носителем выведен космический корабль-спутник «Восход-2», пилотируемый экипажем в составе командира корабля — летчика-космонавта полковника Беляева Павла Ивановича, второго пилота — летчика-космонавта подполковника Леонова Алексея Архиповича.

С бортом космического корабля «Вос-

ход-2» непрерывно поддерживается двухсторонняя радиосвязь.

По докладу командира корабля товарища Беляева Павла Ивановича, а также по данным телеметрических измерений, экипаж удовлетворительно перенес вывод корабля на орбиту и переход в состояние невесомости.

Товарищи Беляев и Леонов проводят работу в соответствии с программой исследований, самочувствие их хорошее».

И еще: «В 11 часов 30 минут по московскому времени, при полете космического корабля «Восход-2» впервые осуществлен выход человека из корабля в космическое пространство.

На втором витке полета второй пилот летчик-космонавт подполковник Леонов Алексей Архипович в специальном скафандре с автономной системой жизнеобеспечения совершил выход в космическое пространство, удалился от корабля на расстояние до пяти метров, успешно провел комплекс намеченных исследований и наблюдений и благополучно возвратился в корабль.

С помощью бортовой телевизионной системы процесс выхода товарища Леонова в космическое пространство, его работа вне

корабля, возвращение в корабль передавались на Землю и наблюдались сетью наземных пунктов.

Самочувствие товарища Леонова Алексея Архиповича в период его нахождения вне корабля и после возвращения в корабль хорошее. Командир корабля товарищ Беляев Павел Иванович чувствует себя также хорошо.

При осуществлении дальнейшего полета корабля «Восход-2» будут проводиться:

— отработка систем космического корабля;

— медико-биологические исследования в условиях космического полета и другие научные исследования.

Товарищи Беляев и Леонов продолжают проведение работ в соответствии с программой. Все бортовые системы космического корабля функционируют нормально...»

Мир замер. Весть о новой победе Советского Союза в освоении космоса вмиг облетела планету. «Это — колоссально!» — прозвучало в ответ на разных языках и наречиях.

В январе этого года одна американская газета писала: «Сотрудники Национального управления по авиации и исследованию

космического пространства полны решимости сделать все возможное, чтобы влить новую жизнь в программу «Джеминай» и запустить на орбиту в нынешнем году четыре двухместных космических корабля.

В ходе одного из полетов астронавт откроет свой люк, высунет голову, и человек впервые в истории окажется лицом к лицу с безбрежным космосом. В ходе другого полета первый американец попытается соединить два предмета в космосе».

«Сатердей ивнинг пост» несколько иначе сформулировала эту мысль:

«Когда первый человек выйдет из корабля в космос, мы станем свидетелями самого волнующего события». Это сказал один из видных ученых, занятых в космической программе Америки. «Если этим человеком не будет американец,— сказал он далее,— это огорчит нас всех. Однако если нам внушат, что он должен быть американцем, что, как мы совершенно уверены, он будет американцем, и он вместо этого окажется русским, то мне просто страшно подумать, как все мы будем деморализованы. Первый спутник был лишь небольшим поражением в сравнении с этим».

Такие планы строили американцы. Об

этом шумели их печать, телевидение, радио. Но на другом конце планеты тоже не дремали. Скромно и настойчиво... Да, без рекламных воплей и сенсаций готовились свершения, которые покорили мир, свершения, провозгласившие торжество идей Циолковского. Торжество в настоящем и будущем, потому что осуществленная мечта «калужского фантаста» рождает мечту еще более смелую, еще более дальнего прицела. Вспомните его пророческие слова: «В одном я твердо уверен — первенство будет принадлежать Советскому Союзу...»

Циолковский стал основоположником космонавтики, давшим еще в начале века научное обоснование мечте человека о сказочном звездном полете.

Иногда спрашивают: почему Циолковский, а не Жюль Верн, предвидевший осуществление полета человека на Луну до Циолковского? Ответить несложно. Все дело в том, что фантазия Жюль Верна была лишь воображением художника. Циолковский же первый обратил фантазию в стройную теорию, то есть придал космонавтике ее современную форму. Именно ракета Циолковского, а не пушка французского фантаста открыла путь в космос!

Лишь восемь лет отделяют нас от запуска первого спутника. Всего восемь! А сколько сделано! Советский человек открыл дверь в космос. И каждый наш новый космический полет стал стартовой площадкой для нового устремления в глубины неизведанного.

Что мы раньше, до осени 1957 года, знали о великих тайнах космоса? Очень мало. Скоро, когда по новым орбитам ушли к звездам научные лаборатории, мы раскрыли загадки поясов радиации, состав первичного космического излучения, сфотографировали «затылок» Луны и проложили дорогу к Луне, Венере и Марсу. Да разве можно даже так кратко перечислить грандиозные результаты в исследовании спутников!

А самое главное, чего достигли наши советские ученые, конструкторы, инженеры, рабочие, — они сумели «запрячь» в одну упряжку более 20 миллионов лошадиных сил, которые подняли гигантскую ракету, корабли «Востоки», а затем и «Восходы». Наш человек побывал в космосе. И не один, а одиннадцать! Трое из них — космонавт, ученый и врач — летали в одном многоместном корабле, двое — в другом. Это произошло за ничтожно малый срок. Весь мир теперь говорит: это — здорово!

Люди всех пяти континентов в один голос заявляют, что позывные «бип-бип», идущие из космоса от советских посланцев, заставили по-иному глядеть на нашу страну, переоценить наши достижения и возможности. 83 килограмма первого спутника на весах истории обернулись небывалым грузом: мир узнал правду о великой России — стране победившего социализма, увидел, что приносит труд свободных людей. Что еще поразило зарубежных ученых? Вес наших космических объектов неуклонно повышался и дошел до пяти с лишним тонн. Именно эти тонны позволили запустить в мировое пространство советского человека, создать на борту «Востоков» и «Восходов» полный комфорт.

Теперь все видят: очень и очень быстро советские люди «запрягли» невиданные мощности в свои звездные колесницы. И «езды» на них очень быстро: двадцать восемь с лишним тысяч километров в час — скорость вполне подходящая.

Но не ради быстрой езды мы перешагнули порог Вселенной. Эксперимент сменяется экспериментом, программа все усложняется, и наконец...

Плавающая в космическом океане, человек должен научиться выходить из корабля и

свободно передвигаться в пространстве. Зачем это нужно? Прежде всего для наблюдений и для работы, например, для ремонта корабля, для монтажа научного оборудования, устанавливаемого рядом с кораблем, для сборки станций в космосе...

Проблема встречи и стыковки поставлена в повестку дня космонавтики. Ее решение дает многое: соединение крупных орбитальных станций. Они смогут служить для исследовательских целей и стать своеобразными пристанями для космических кораблей, где будет пополняться снаряжение, запасы, оказываться необходимая помощь экспедициям, уходящим в глубины космического океана.

Однако все это можно решать лишь на втором этапе. А пока человек должен был попробовать покинуть корабль, научиться ориентироваться и передвигаться в новой обстановке, приспособиться к ней. Дайте вашу руку, товарищ космос! Будем знакомы!

Сегодня мы еще смелее, увереннее смотрим вперед. Многое нам видится на горизонте. Уже не фантасты-писатели, уже не только ученые, умеющие предвидеть будущее, но и все мы, простые люди, говорим: «Не за горами то время, когда космический корабль с людьми покинет Землю и направится в пу-

тешестве на далекие планеты, в далекие миры».

Мы верим, что это будет. Время теперь такое, когда исполняются самые дерзновенные мечты. Ученые вносят «фантастику» в планы научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро. Сколько свершено со времени запуска первого спутника! Сколько еще произойдет грандиозных свершений в ближайшие годы!

Мгновение нужно, чтобы произвести запуск космического корабля. Минуты необходимы для взлета гигантской ракеты, выводящей космический корабль на околоземную орбиту. Но годы и месяцы титанического труда предшествуют этим мгновениям.

Наша планета сделала четыре оборота вокруг Солнца после первого витка, совершенного человеком вокруг Земли. Всего четыре! Но человечество возмужало за это время. Оно не только по-новому осознало собственные силы, но и иными глазами взглянуло на окружающий мир. Теперь оно шагнуло еще дальше. А эхо наших космических стартов разносится по всему миру.

Может быть, не все мы в точности представляем объем и значение специфических физиологических и психологических про-

блем — не говоря уже о проблемах небесной механики, — решение которых принес науке победный полет Юрия Гагарина и выход в океан Вселенной Алексея Леонова. Но все мы ощущаем другое. В этот раз в космос проникли уже не одни только механизмы, уже не только растения и животные с Земли, но и мыслящий человеческий мозг, человеческая воля. А это воистину означало не только начало новой главы в истории науки и техники, но и начало новой эры в истории человечества.

Потом второй полет, третий, четвертый, пятый...

Да, у них были предшественники. И хотя их дела трудно сравнить с тем, что совершили эти двое, каждый, кто шел на штурм неба, обладал незаурядной храбростью, волей и силой духа. Веками подвиги русских связаны с самыми различными летательными аппаратами — от монгольфьера до космической ракеты.

Путешествуя вокруг Земли, Беляев и Леонов называли себя «Алмаз-один», и «Алмаз-два». Обладая сильным русским характером, они бесстрашно работали в герметически закрытой кабине, потом выходили на свидание с космосом и чувствовали себя свободно.

Это сильные люди, они любят семью и жизнь, и у них эта любовь сочетается с мужеством, тем мужеством, которое дало им право совершить этот полет.

Конечно, страна долго и целеустремленно готовила их к этому старту, чтобы иметь полную гарантию, что все пройдет успешно. Сомнений ни у кого не было. Но ничто не может преуменьшить достижения этих космических «близнецов».

Великое испытание выпало на их долю и великая честь: гордые буквы «СССР» на шлеме скафандров, слово «Восход-2» на борту корабля — русские буквы, русское слово, советские люди, открывшие новую страницу в летописи космического века.

Они пробыли в космосе сутки. Одни сутки... Разве это много? В самом деле, в человеческой деятельности, особенно в науке, один вырванный из времени день не может ничего рассказать, ни тем более — объяснить. Но если сутки берутся во времени и пространстве, тогда двадцать с лишним часов нового космического полета — это отчет о сделанном вчера и план того, что будет сделано завтра.

Нет, день не равен дню! Он равен вложенным в него человеческим усилиям, его грани раздвигает дерзновенный порыв человеческой души.

ВРЕМЯ ПРИШЛО

Время летит быстро. И сейчас им кажется, что это было давным-давно. А прошло ведь всего четыре года. Вроде бы и не так уж много. Но за этот короткий период через их жизнь пронесли невероятные события. Они потрясли весь мир. Никто не предполагал, что так быстро пойдет вторжение в неведомый космос. Туда уже проложены не тропинки, а дороги. И проложили их космонавты. А тогда они только собирались...

Нет, собирались не в полет. Их пригласили на космодром как наблюдателей — посмотреть старт ракеты, которая поднимет на орбиту собачку Звездочку. Но все чувствовали: не только посмотреть, они будут не просто зрителями. Это — разведка обстановки, знакомство с будущим местом действия. Пока летит собачка, а за ней — человек.

— Чует мое сердце, скоро кому-то из нас скажут: «Собирайся в космос», — задумчиво проговорил Юрий Гагарин.

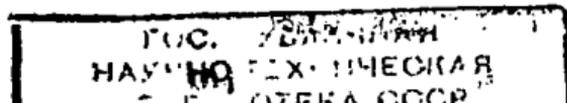
Космонавты молча переглянулись: да,

прав Юрий, скоро скажут. Они в преддверии первого космического полета человека. Возможно, до него месяц, два... Но кто полетит первым? Неизвестно. Пока об этом не ска-
зали.

— Давайте, ребята, подумаем сами, кто из нас может лететь первым,— предложил старшина группы космонавтов Павел Иванович.

— Я думаю, тебе и лететь первым, Павел Иванович,— откликнулся Юрий Гагарин.— Как у нас бывает в авиации? Первым показывает дорогу командир. А за ним — остальные. Ты был командиром эскадрильи. Самый опытный из нас. Теперь — старшина. Тебе и карты в руки. По всему, ты и должен лететь первым. Правда, ребята?

Все посмотрели на Павла Ивановича Беляева. Раньше тоже на него смотрели — только так, обычно, как на сослуживца, старшего товарища. А теперь смотрели на него уже совсем по-другому, вроде как через увеличительное стекло. И видели его в трех измерениях — и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Что ж, прошлое Павла Ивановича не вызывало сомнений. Прав Юрий Гагарин — он самый опытный летчик. Надежен в полете (это очень важно), всегда спокоен, точен

в исполнении любого приказа. И в малом и в большом — везде показал себя с самой лучшей стороны.

Вспомнилась космонавтам такая история. Она произошла давно, когда летчики осваивали «комнату тишины». Тогда они еще не были космонавтами. «Комната эта была не то что сейчас, а «самоделка» какая-то. Стенды и установки для имитации условий полета только начинали создавать. Но суть не в этом. В числе первых пошел на «отсидку» старшина группы майор Беляев. Был он всегда ровным в обращении с товарищами. Чаще молчал, а скажет слово — все прислушивались. Одно смущало ребят: уж очень он правильный, какой-то весь размеренный, точно без эмоций. А впрочем, думали они, время покажет, какой он, их старшина.

И время действительно раскрыло перед ними характер этого, как им казалось, суховатого человека. Они поняли, что Павел Беляев — человек большой и мягкой души, человек скромный, много знающий, собранный, волевой.

Сначала все шло как по-писаному — он выполнял распорядок дня, утром занимался гимнастикой, вечерами в свободное время читал какой-то исторический роман.

Однажды вечером над его головой что-то затрещало. Оглянулся — дымит провод. Он сразу понял: замыкание. Надо же быть такому: и до него уже «отбывали» свой срок товарищи, но никаких происшествий не случилось. Как нарочно, провод задымил в его смену. Что делать? Есть, конечно, простой выход: просигналить из камеры — отоприте, мол, дверь, придите на помощь. Павел не стал этого делать. Зачем? Он и сам управится с проводкой.

Обмотал вокруг руки резину, с которой по утрам занимался гимнастикой, и стал срывать провода. А провода закреплены прочно, прямо в стене, не сразу доберешься до них. Наконец он добрался. Свет потух, а потом появился тусклый, аварийный. Павел подумал: наверное, там, за стенами поднялся переполох. Невесть что вообразят. Может, кое-кому покажется, что он в опасности. Еще откроют двери, выпустят его, сорвут «полет». Торопливо начал передавать по телефону: «У меня все нормально. Продолжаю «полет». Ему казалось, что не поверят: мол, нарочно успокаивает врачей. И он продолжал отстукивать ключом: «Не волнуйтесь, родные. Я чувствую себя хорошо. Понимаете меня?» Ему ответили: «Понимаем». Тогда Павел и

сам успокоился и стал налаживать электропроводку.

Он тщательно соединил порванные провода и продолжал выполнять программу «полета». На «волю» передал: «Можно включать свет. Мой корабль в полном порядке».

Полный свет не включили, видно, опасались, что летчик произвел некачественный ремонт. Он настаивал: «Включайте. Все сделал по правилам. А впрочем, мне хватает и этого света. Продолжаю «полет».

Беляева больше всего беспокоило другое: как бы врачи не подумали, что ему тяжело в сурдокамере. В таком случае они прервут «полет». А этого он как раз и не хотел. В камере было душно, жарко, а он, как и раньше, занимался гимнастикой, читал. Даже пел и танцевал, доказывая врачам, что вполне спокойно переносит условия «комнаты тишины». Дважды врачи собирались на совет и дважды были вынуждены согласиться с летчиком: «Полет нельзя отменять». Их покорили собранность, настойчивость и сила воли майора.

Не будем рассказывать обо всех перипетиях «отсидки» летчика в аварийной камере. Пробыл он в «комнате тишины» до конца срока. Вышел оттуда хотя и утомленный, но

довольный «полетом». Все-таки программа была выполнена! Врачи проверили его сердце. Оно билось ровно, как часы.

— Я же вам говорил: не надо беспокоиться. Ничего страшного не случилось,— уверял летчик.— А комната в полном порядке. Можете принять по акту.

. Тогда-то увидели: их старшина — человек с большим запасом прочности. Сейчас и вспомнился летчикам этот, да и другие случаи, когда Павел Беляев вел себя как человек с большой выдержкой, находчиво, благородно. Вот и теперь...

— Тут случай особый, ребята,— ответил Беляев.— Лететь должен тот, кто больше подходит для первого полета. А я... я тоже когда-нибудь полечу. Когда скажут. Думаю, и на мою долю выпадет сложный полет.

Тогда один из летчиков сказал:

— Пошлите первым меня.

Павел Иванович тоже мог бы сказать: «Я согласен». У него были все основания претендовать на первый полет. Правда, чуть позже с ним случилось несчастье — сломал ногу. Но это было потом. И все-таки без колебаний он предложил:

— Мне кажется, надо послать Юрия Гагарина.

Сказал он это потому, что видел, что любознательность, неистощимый оптимизм, выдержка, необычайное трудолюбие Юрия помогли ему хорошо подготовиться. И эти качества были очень важны в первом полете. Как-то встретит космос первопришельца?.. Что там увидит первый космонавт?.. А ему нужно было увидеть и почувствовать многое: его рассказа ждали и товарищи, будущие космонавты, и врачи, и ученые...

Сам человек сильный, Павел Иванович отдавал должное своему товарищу.

В прошлом году снова возник разговор: кто отправится в необычайный рейс — во Вселенную? И первым сказал Юрий Гагарин:

— Для этого полета больше всего подходит Павел Иванович.

Товарищи поддержали его. Да, подходит. Он должен быть командиром корабля. Пришло его время подняться на звездные трассы. А кто с ним полетит?

— Конечно, Алексей Леонов, — не раздумывая, решили космонавты.

Об Алексее Леонове можно говорить много и долго. Но это потом. А пока два слова — он самый подходящий партнер для Беляева. Правда, характеры, увлечения, иногда даже суждения у них очень различны, но они оди-

наковы в главном — оба обладают большой выдержкой, сильные, смелые.

Конечно, космонавты высказали только свое пожелание о кандидатах. Все решала государственная комиссия. И она пришла к тому же — полетят Беляев и Леонов. Решение это принято недавно. А космонавты вместе готовились к полету давно. Они начали подготовку с лета прошлого года, когда только намечался первый полет «Восхода». Готовились и в то время, когда летала космическая тройка. Готовились до самого последнего дня. Государственная комиссия проследила, как они справляются со своим заданием на земле. Спрашивала с них строго, без скидок. И пришла к заключению:

— Заслужили самую высокую оценку... пять с плюсом.

Что они за люди, наши новые первооткрыватели звездных высот, как они шли к своему подвигу? Об этом — наш дальнейший рассказ.

ПАРОЛЬ КОСМОСА — МУЖЕСТВО

Личное дело офицера... На обложке — фамилия, имя, отчество, звание. Пролистаешь его, вроде бы все узнаешь о человеке: где служил, когда и куда переводился, как ха-

рактизуется командованием. Здесь указаны точные даты, номера приказов, подшиты разные документы, выписки, справки...

И все-таки это лишь бумажки. Трудно заставить их говорить о деталях, откровенно, подробно. В них статистика, хронология. А как заглянуть в душу того, о ком здесь сказано:

«Беляев Павел Иванович, подполковник, военный летчик второго класса, родился 26 июня 1925 года...»

А чуть дальше:

«Способный летчик. Воздушный бой ведет смело и энергично. Групповая слетанность в звене и эскадрилье отличная. Дисциплинирован. Требователен к себе и подчиненным. Пользуется заслуженным авторитетом».

И все равно это лишь скупые строки. Сам он молчун, говорит — словно жалеет слова. Разговор наш никак не клеится. Будто костер из зеленых веток — он и гаснуть не гаснет и гореть не горит.

— Ну, вырос в тайге, ну, хотел летать, учился, работал... Ну, вот теперь здесь. Ну, что еще? Жизнь — как и у всех...

Это и все, что он рассказал о себе.

На все вопросы Павел Иванович отвечал с той вежливой односложностью, в которой

угадывалось упорное нежелание говорить о вещах, касающихся лично его.

— Вы не хотите, чтобы о вас писали? — спрашиваем его напрямик.

— Нет, не хочу, — так же прямо отвечает он. — Что писать? Ведь ничего еще не сделано...

Вот и гадай, что он за человек, этот будущий командир звездного корабля.

Говорят: космонавтами не рождаются. Эта формула сложных выкладок не требует. Ее вывела сама жизнь. Но какие компоненты входят в эту формулу? Для каждого свои.

Каждый человек должен быть романтиком. Обязательно должен. Именно романтика, увлечение, страсть делают слабого сильным, а сильных еще сильнее, целеустремленнее. А небо, космос? Они под силу только романтикам.

И снова течет наша уж очень неторопливая беседа.

Он рассказывает об отце, своих школьных товарищах, инструкторах-летчиках, которые давали ему путевку в небо, преподавателях академии, друзьях-космонавтах... Для каждого находит теплое слово. Повернуть беседу так, чтобы он говорил о себе, не удалось. Зато другие рассказывали о нем с увлечением,

называя почтительно — Павел Иванович, ведь он постарше других, жизненного и авиационного опыта у него побольше. Он по праву занял место в строю тех, кого считают покорителями космоса.

ЗАКВАСКА

Суров, как медведь, говорите? Это почему же?.. Таежное детство? Но ведь оттуда в нем и вся закваска.

Павел Попович

...Деревня Миньково — таежная. Со всех сторон окружили ее леса дремучие. Дом, где жили Беляевы, окошками на тайгу. Куда ни глянь — тайга. Уйдешь за три километра от дома — неровен час, медведя повстречаешь. Тайга.

Разные люди живут в Минькове. Но у всех есть общая страсть — они любят тайгу и природу. Она, эта страсть, приходит с самого детства и остается навсегда.

Немало среди селян заправских охотников. В каждой избе ружье, а то и не одно. По нему, собственно, и определялось: мальчишка ты или взрослый. Коль есть у тебя свое ружье, стало быть, ты уже не «босо-

ногая мелюзга», а человек самостоятельный.

У Паши своего ружья не было. Но охотничьи тропы он уже знал. Не раз мерил их торопливыми шагами, уходя с отцом в тайгу. Сборы начинались задолго, чуть ли не с начала недели, а в субботу, ближе к вечеру отправлялись в путь. Иван Парменович впереди. Паша — сзади.

Место для ночлега выбирали придирчиво, по всем таежным законам. Строили шалаш, рубили длинную жердь для чучела косача, пили чай из жестяного чайника и засыпали под шорохи тайги. Паша любил, прижавшись к отцу, слушать ночной говор леса. Из непроглядной темноты доносились таинственные звуки, то резкие и короткие, они эхом отдавались среди могучих стволов, то шипящие, словно шепот, они таяли вдалеке. Иногда все смолкало и наступала тишина, такая, что слышно было, как падают иголки с высоких елей.

Бывалые охотники знают, о чем говорит и вздыхает тайга ночью. Они могут сказать, что значит каждый скрип, каждый писк: то проковылял сонный барсук, то потрескивает сухой валежник, то сова метнулась за добычей, то где-то вдали зарычала рысь...

Павлик поначалу пугался этих звуков,

старался сидеть, не шелохнувшись, и с опаской поглядывал на отца. А тот улыбался своей доброй улыбкой и лукаво косил на ружье:

— Не грусти, сынок. Эта штука поможет нам отпугнуть незваных гостей.

Потом отец засыпал, а Павлик еще долго прислушивался к голосам тайги. Где-то далеко кричали молодые совы, потом стихали. Вспоминались слова школьной учительницы Александры Ивановны: «Умейте видеть все, что происходит вокруг вас». Видеть... Александра Ивановна учила, что «смотреть» и «видеть» — это не одно и то же. Смотрят все, а видят немногие.

Он сначала не понимал этой разницы. Казалось, что оба слова можно заменить третьим — глядеть. Но учительница говорила, что это неправильно.

А видит ли он? Какие только мысли не лезли тогда в голову. Перед глазами рисовались страшные чудовища с огнедышащими пастями и огромными крыльями. Они пытались напасть на него, а он смело вступал в единоборство, палил из отцовского ружья...

Потом темнота тайги превращалась в бушующий океан, обрушивала на него тяжелые валы, то подбрасывала до самых верхушек

сосен... Он ловил диких тигров для цирков и зоопарков, летал вместе с орлами над просторами тайги...

Думалось: есть ли тайга на далеких звездах? Цветут ли там сады? На кого там охотятся?

Это было давно. Очень давно. Тогда он учился в шестом классе. А позднее, в юности, с безжалостной иронией относился к своим сказочным мечтаниям. Считал их более чем несерьезными. Да и в его семье никто не совершал ничего героического. Правда, отец был солдатом в первую империалистическую войну, потом сражался на Халхин-Голе, дважды был ранен.

Просыпался отец еще затемно. Но черная тушь уходящей ночи светлела быстро, словно ее все время разбавляли чистой водой. Толкнет Пашу:

— Вставай, соня. Всю охоту проспишь...

С рассветом тайга меняется. Даже палая листва и та на заре обретает какой-то странный запах. Если собрать влажные листья и помять в руке, они запахнут мытыми полами и сразу вспомнится мать, хлопчущая у печки в своем белом платке.

Отец торопил:

— Ну, ну, охотник.

Павлик свою работу знал. Он должен идти в темноту и вспугивать непроснувшуюся птицу. Отец же останется в шалаше и будет поджидать дичь у чучела косача.

Спотыкаясь о сучья и корни, проваливаясь в перину мха, шагал паренек по тайге. Косматые ели больно били колючими лапами по лицу, цепляясь за ватник и штаны. Жутковато одному в темноте, но он шел и шел, выкрикивая однообразное:

— Киш... киш... киш...

Прислушивался, как хлопают крылья. Спугнутая птица уходила куда-то в сторону: Но недалеко. Раздавался выстрел. Это стрелял отец. Глаз у него верный.

Павлик шел дальше.

— Киш... киш... киш...

В лесу светлело. Уже три раза разрывали раскаты выстрелов таежную тишину. Стало быть, вернутся они домой не с пустыми руками. На обратном пути он будет идти впереди отца и тащить на плече убитых косачей.

Однажды, когда он вернулся к шалашу после загона, отец сказал:

— Ты посиди чуток, отдохни, а я пойду подранка поищу. Где-то неподалеку должен быть...

Отец ушел, а ружье оставил. Павлик слы-

шал, как он ломал сухие ветки тяжелыми яловыми сапогами, бранился потихоньку. Потом все стихло. И вдруг совсем рядом с шалашом сели два косача. Не иначе, как их спугнул отец, когда искал своего подранка. Косачи сели так близко, что Павлик растерялся. Он боялся пошевелиться и даже перестал дышать. Надо же случиться такому!

Рука сама потянулась к ружью, а когда коснулась холодного металла, отдернулась назад. Испугался. Ведь он ни разу не стрелял. Ружье в руках держал. Это бывало. Когда отца не было дома, осторожно снимал его со стены, прикладывался, жмурил глаза — целился в воробьев, пляшущих по жердям забора, а вот курка, когда в стволах патроны, не нажимал. Не приходилось. Отец не давал: мал-де еще.

И все-таки удержаться не смог. Какая-то сила заставила его позабыть обо всем, толкала к ружью: скорее, скорее. И он не мог ей сопротивляться. Уж больно велико было желание принести из тайги свои трофеи. Доказать всем, что он тоже охотник.

Прошло лишь одно мгновение. Он еще не осознал, что делает, как почувствовал у щеки приклад — гладкий, холодный. Прицелиться как следует не успел. Да и не мог он этого

сделать, ибо в нарушение всех законов стрельбы закрыл не левый, а правый глаз.

Курок рванул резко, словно гвоздь из доски. Громыкнул выстрел. И сразу звон ударил по ушам. Острой болью заныла рассеченная губа. Солено стало во рту...

Так на практике был познан закон реактивного движения. Бессознательно, конечно. Тогда главным было другое. Косач упал и судорожно забил крылом по мокрой траве.

Павлик бросился к нему. Схватил и закричал на весь лес:

— Папа! Папа! Иди быстрее. Патронов больше нет!

Отец вернулся, когда косач уже неподвижно лежал у шалаша, а Павлик, болезненно морщась, осторожно пробовал пальцем распухшую губу. Объяснения были не нужны. Иван Парменович фельдшерским взглядом (он врачевал в колхозной больнице) осмотрел рану и тихо сказал:

— Это пустяк, пройдет... А вот ружье пора знать.

Весть: «Пашка косача подстрелил» — среди деревенской ребятни распространилась в один момент. Об этом шептались даже на уроках в школе. А вскоре товарищи приходили «подержать и потрогать» Пашино

ружье. Его собственное, новенькое, одноствольное. Тогда-то он и стал заправским охотником. Перед каждой субботой вместе с отцом набивали самодельным порохом двойной запас патронов.

Частенько ходил в тайгу и один. Вернется из школы, книжки в сторону, краюху хлеба в карман — и айда. Зимой вместе с ребятами ставил петли на зайцев, штук по пятьдесят. А утром на лыжах за добычей. Впереди собака по кличке «Мальчик», за ней ватага «охотников». И долго слышится по тайге лай и крики: «Сюда! Сюда!»

КЕМ БЫТЬ?

Кто-то сказал: космонавтами не рождаются. Это, конечно, так. А вот путь к звездам у каждого свой.

Герман Титов

Кем быть? Серьезно над этим начинаешь задумываться в школе, когда в задачках по математике, помимо цифр, появляются буквы, которые путем «хитрых» перестановок и комбинаций позволяют распутать узлы неизвестности и через таинственные иксы, игре-

ки и зеты найти нужный ответ, когда на уроках химии из голубоватых растворов получают золотисто-красный металл, а из учебника физики узнаешь, что даже самые сложные вещи объясняются элементарными законами, из которых можно даже составлять стихи:

Ты для меня «живая сила»,
Ты для меня MV квадрат...

Седьмой класс Павел начал в Каменск-Уральской школе № 1, которая носила имя Максима Горького. На Урал переехали всей семьей. Причин на то было много, а главная — в Минькове учились лишь до седьмого класса, а Ивану Парменовичу и Аграфене Михайловне хотелось, чтобы дети получили полное образование.

Отец сказал:

— Ведь жизнь становится совсем иной, без знаний — никуда. Учись, Павел.

В те годы встал перед Павлом вопрос: а кем же хочет стать он? Отцовская профессия — фельдшера и санитаря его не привлекала, мечта стать таежным охотником и путешествовать, как Арсентьев из «Дерсу-Узала», ушла в прошлое, а вот алгебра с физикой сделали свое дело: был в них какой-то

скрытый интерес и всемогущая сила. Они объясняли, как летает самолет, почему крутятся электромоторы и как получается, что на другом конце земного шара люди ходят вниз головами, как рассчитать полет к Марсу.

Соседом по парте у Павла был Вася Половнев. Закадычный друг. Все пополам, даже тайна была у них одна на двоих. Вернее, не тайна, а уговор такой — всегда быть вместе, всю жизнь, как Сакко и Ванцетти, Герцен и Огарев...

Вдвоем они прослышали, что в Свердловске открывается спецшкола ВВС, или, как ее попросту называли, «спецуха». Было это перед самой войной, учились они в восьмом классе. Решали недолго.

— Авиация ведь, что тут гадать, — убеждал Павел. — Даже Горький писал: парить по небу — вот счастье жизни.

Желающих покорять пятый океан в Каменск-Уральской школе № 1 нашлось немало. Василий и Павел не агитировали своих однокашников. Путь в жизни каждый выбирает сам. Это только они сообща, вдвоем принимают решение. Иначе им просто нельзя.

А получилось как раз иначе. Василий за-

болел и слег в постель. Врачи сказали, что о поездке в Свердловск нечего и думать, пичкали Ваську какими-то микстурами, ставили банки, а Павлу так и сказали:

— Встречи пока надо прекратить.

Вот и решай, как тут быть. Тогда Коля Леушин уговорил его ехать в спецшколу без Васи. Он, мол, приедет на будущий год.

Поначалу все складывалось очень удачно. Отметки в дневниках, школьные характеристики и заключение врачебной комиссии открыли им двери в свердловскую школу будущих летчиков. Они даже видели себя в списках зачисленных, а потом вдруг — отбой. Почему? Ведь приняли, форму собирались выдать?

Причину отчисления объяснил сам начальник школы:

— Набрали вас слишком много, ребятки, а вот общежития у нас для иногородних нет.

Паша сразу понял, что спорить и доказывать бесполезно. Не на улице же жить. Понять-то понял, но разве легко отказываться от задуманного, когда ты уже сжился с ним, поверил, что оно возможно, убедил себя, что иного пути, кроме как в пятый океан, у тебя быть не может. Такое пережить надо.

Вечером они долго бродили по улицам Свердловска. На их головах не красовались фуражки с голубыми околышами и золотыми крылышками на тулье. Словом, они вдруг стали такими, как и все те, кто попадался им навстречу или обгонял их. Собрались пойти в кино, но передумали. Не то настроение. Надо было подумать обо всем происшедшем и найти выход. Надо что-то придумать.

Шагали молча. Каждый не хотел начинать разговор первым. Пусть лучше другой скажет, так легче.

Нарушил молчание Павел:

— А ведь мы не туда приехали, Колька. Здесь будут учить на штурманов, понимаешь?

Николай не понял, к чему он клонит. Штурман, легчик... Разве это не одно и то же? Главное, авиация, главное, летать.

— Летать можно по-разному,— возражал Павел.— Пассажиры тоже летают. Но самолетом-то они не управляют. Их везут, а они сидят. А надо так: как захотел, так и летишь. Хочешь высоко, хочешь — низко. Можно даже вверх колесами, как Чкалов.

— Ну, а штурман что делает? — не унимался Николай.

— Штурман? Он...— Павел не знал, что

ответить. Не знал потому, что сам не представлял разницы между работой летчика и штурмана.

Вроде бы и форма у них одинаковая: крыльшки, пропеллеры...

— Штурман — это тот, кто помогает летчику, готовит самолет, ну разные там штучки проверяет и смотрит на карту...

— А зачем ему эта карта? — спрашивал Николай.

— Не знаю, зачем. Такой порядок.

— Тогда уедем отсюда, — предложил Колька, — а после десятого махнем в летчики, в настоящее военное училище, и Васька с нами.

Теперь стало легче на душе. Чего унывать, раз произошла ошибка! Лучше сразу разобраться во всем, чем потом жалеть всю жизнь.

— Может, в кино напоследок сходим? — предложил Павел.

— Айда! Все наши ребята пошли, мы еще с ними на один сеанс успеем.

...В Каменск-Уральский вернулись все «летчики», которые уезжали в Свердловск. И снова горьковская школа, снова контрольные и сочинения, снова иксы и игреки, кислоты разные, законы Ломоносова, Ньютона

и Торричелли. Шумной ватагой ходили купаться на Исеть, всем классом ездили на уборку хлебов в колхозы.

Так пришел 1941-й. Какое это было время, многие помнят. Война, тяжелые бои под Москвой. В шестнадцать лет не очень-то разбираешься, что это такое, если грозные события свершаются не рядом, а где-то далеко. Но как-то все посуровело вокруг.

Когда Павел пошел в десятый класс, отец подарил ему баян:

— Учись играть. Пусть свой музыкант в доме будет. Глядишь, и композитором станешь, песенки всякие придумывать начнешь. Но это потом, а сначала «Интернационал» научись, и так, чтобы как по радио. Ясно?

— Ясно-то ясно, папа. Но ведь война. Какие сейчас песни?

— Как какие? — удивился отец. — Песня на войне во как нужна. — Он провел ладонью по шее. — Песня — она всё. Когда пули свистят, когда дождь окопы заливают, песня все невзгоды покрывает. Песня — это совесть людей. Ясная, звонкая, красивая, она, брат, знаешь, какие дела может делать. Эге! Нашу русскую песню немцы боялись еще в ту войну...

Вечерами баян грустил. Начинал вполго-

лоса, с переборов, в которых чуть улавливалась знакомая мелодия. Потом она звучала все отчетливее, громче.

Как-то Павел спросил:

— Пап, а почему «Интернационал»?

Отец поднял брови, покрутил ус, помедлил, застегивая ворот рубахи:

— Как — почему?! — Усы его стали торчком, и Павел заулыбался.

— Вот так! Почему именно «Интернационал» учить?

Отец даже руками всплеснул:

— А знаешь ли ты, что «Интернационал» — это гимн? Не было и нет песни грознее для угнетателей. Понял?

— Понял, учу, — отшучивался Павлик.

Шутил... На душе было тревожно, муторно как-то. Война. Людей вокруг стало меньше, они уходили, а на их место приходили тревоги. Ребята — товарищи по школе проводили на фронт отцов и братьев. Ивана Парменовича не взяли. Инвалид двух войн. «Вы свое отвоевали», — сказали. Стало быть, должен идти воевать он, Павел. Должен же кто-то от их фамилии защищать Родину.

Однажды забежал к нему Василий и прямо с порога, не успев отдышаться, выпалил:

— Новость есть. Пойдем расскажу.

Говорил он долго, сбивчиво, но смысл Павел уловил сразу: формируются лыжные отряды добровольцев Сибири и Урала. Скоро их отправят на фронт. Надо торопиться. Колька Леушин уже записался. Ему сказали, что возьмут.

Утром чуть свет они были уже у дверей военкомата. Все закрыто. Пришлось часок подождать, пока откроют. Еще раз перечитали написанные дома заявления с просьбой зачислить в отряд, аккуратно сложили листки, вырванные из школьных тетрадей.

На прием они попали первыми. Старались держаться солидно, расправляли плечи, чтобы казаться поздоровее, и нарочно басили. Правда, бас этот получался каким-то странным, неестественным и часто срывался на обычный мальчишеский говорок. Ведь едва успело стукнуть по семнадцать.

Расспросы были недолгими: возраст, образование, адрес. Все. Двухминутный разговор кончился коротким «жди-те!».

Легко сказать — «ждите». Мудрость эта не нова. Но ведь война. Немцы к самой Москве подошли. А тут — ждать. Дни тянулись медленно, будто время для них остановилось. Разговоры большей частью велись вокруг войны и летной школы.

Все последующие дни далеко от дома не отлучались. Нельзя. Повестки могли принести в любой момент, притом срочные. Так оно и случилось. Возвращаясь однажды с речки, зашли к Василию. Мать его была взволнована:

— Из военкомата приходили, бумажку тебе оставили.

Вася даже подпрыгнул, хватился читать, а Павла словно ветром сдуло. Помчался домой. Бежал всю дорогу, нагалкивался на прохожих, прямо перед колесами машин перебежал мостовую. Торопился.

Повестки не оказалось. На все расспросы: может быть, сунули куда, забыли, может, дома никого не было — все отвечали: «Нет и нет». Тогда снова побежал к Васе:

— Как быть?

Тот успокаивал:

— Подожди до вечера, не успели просто. Пока всем разнесут, знаешь, сколько времени пройдет.

Не принесли повестку и вечером. Это совсем огорчило Павла. Расстроенный пришел он снова к товарищу. Василий всей душой хотел успокоить друга, он сам не понимал, почему так получилось, и высказал версию:

— Наверное, послали. Жди завтра. Утром обязательно будет.

А потом сам засомневался:

— Как же так? Мне завтра к одиннадцати, с вещами, а ты...

Сложную им задали задачу. Сколько ни ломали голову ребята, ничего не придумали. Договорились, всюду вместе, клятву даже дали друг другу, а тут на тебе: одного берут, другого нет.

Домой Павел вернулся поздно. Когда шел, теплилась надежда: может быть, уже принесли его повестку. Но нет. Дома ждало другое. Мать плакала. Она уже все рассказала отцу и сокрушалась оттого, что Иван Парменович не стал на ее сторону, не пообещал наказать Павлика, отговорить от «страшной затеи».

— Время такое, мать, время... Не можем мы не отпускать своего, когда другие жизни не жалеют. Не можем. Нет у нас с тобой такого права.

Отец помог собрать нехитрые пожитки сына. Сунул в мешок несколько шерстяных носков, которые связала мать, положил и бритву, старенькую, сточенную почти до основания. Глядишь, пригодится. Растет, мужает паренек.

До утра в доме никто не сомкнул глаз, а когда рассвело, стали прощаться. Поочередно Павел расцеловался со всеми по три раза. Обычай такой. Потом присели на дорожку. Провожать его никто не пошел. Воспрепятствовал отец:

— Не надо, так легче будет ему, да и нам тоже.

У ворот он обнял сына и тихо сказал:

— Не бойся свиста пуль, сынок. Они свистят уже за спиной, когда пролетят мимо. Всегда смотри только вперед. Русскому человеку назад хода нет...

С Василием встретились у военкомата. Он сразу же спросил:

— Получил?

Потом вместе пошли к начальнику второй части. Тот сразу их вспомнил, порывлся в своих бумагах и равнодушно пояснил:

— Ясное дело, дорогой. Тебя мы не призывали по молодости. Подожди подок. Если будет нужда, призовем.

— А если не будет?— вставил Павел.

— А если не будет, еще лучше. Вернется твой друг, и устроим вас в летное училище.

Павел настаивал, доказывал, что он и в школу-то раньше на год пошел, чтобы время выиграть, что он стреляет получше мно-

гих, с отцом на медведя в тайгу ходил. Говоря о себе, краснел и не знал, куда руки девать.

Василий его поддерживал, говорил, что Павлик не подведет. Но уговоры не помогли. В армию ушел один Василий.

С той поры Павел стал серьезнее чувствовать движение времени, да и жизнь вокруг себя. А тут еще сосед:

— Ты приходи ко мне в цех, Павлуша. Народ нам во как нужен! Научу. Да ты и сам, давно за тобой наблюдаю, парень смысленный. Ну?

Павел поступил на завод. Сначала поработал учеником, потом токарем-операционником. Крутлые сутки пели свою песню станки, лязгали железные краны, скрипели транспортеры, росли горы колючей стружки... Смена сменяла смену. «Все для фронта, все для победы!» Так работали люди.

Василий часто присылал письма. В них рассказывал, что в лыжном отряде его не оставили, направили в летную школу, оттуда — в танковое училище. Через шесть месяцев Павел узнал, что друг его уже на фронте, участвовал в боях.

Потом письма перестали приходить. Напрасно ждал Павел. Их не было ни через не-

делю, ни через месяц. Тревожные сводки с фронтов и мучительное ожидание. Если раньше для него война была общим бедствием, то теперь стала и личным. Друг на фронте. Но где? На Южном, Северном, Западном или каком другом?

Работал, понимая, что здесь, на Урале, тоже фронт. После смены заходил к военкому, напоминал о себе, говорил, что год, которого ему не хватает, подходит к концу. В военкомате обнадеживали, уверяли, что обещание выполнят. «Ты, парень, пороги не обивай. Ну, что кривишь губы?! В списках числишься. Жди черед».

А потом вдруг крутой поворот: «Не имеем права призвать: на тебя — бронь, утрясай со своим начальством».

Павел «утрясал». К кому только не ходил. Ответ один: «Людей не хватает, на фронте и без тебя справятся». А тут еще перевели в отдел заказов и сбыта: «Парень грамотный, разворотливый, трудись».

Такого Павел не ожидал. Все думал, вот-вот придет его повестка, вот-вот возьмет он свой вещевой мешок, который так и лежал собранным еще с тех пор, как провожали Васю, дожидаясь своего часа. А час этот прозились отменить.

Несколько раз атаковал своего начальника, ходил в райком комсомола, дважды был у директора завода. Упорство паренька сделало свое дело. С завода его отпустили, после этого и в военкомате долго не волюнили. В предписании значилось: «Город Сарапул, 3-я школа морских летчиков». Это для начала, а там — время покажет.

Будущих асов сначала держали в карантине. Подстригли всех «под ноль», пропарили в бане, накормили горячими щами, потом стали вызывать на беседу. Павла послали на летную комиссию. Ряд кабинетов, столько же врачей. Придинок особенных не было. Признали годным, а вскоре зачитали приказ: «Зачислен».

Это был май 1943 года...

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Павел Иванович — летун. Это в нашем авиационном понимании. На истребителях больше всех нас налетал.

Валерий Быковский

Третья школа считалась первоначальной. Здесь в течение года курсантов знакомили с учебными самолетами ПО-2 и УТ-2, «вкла-

дывали» основы летного дела, «давали провозные», выпускали в первый самостоятельный, а потом распределяли по училищам.

Среди инструкторов были и девушки, в прошлом летчицы аэроклубов. Летали они здорово, обучали тоже. Не было у них той суровости и строгости, которая обычно свойственна мужчинам, но дело свое они знали и умели доходчиво и просто растолковать даже сложные вопросы аэродинамики и теории полета.

Здесь, в «первоначалке», получил Павел летную закваску. Пусть ПО-2 самолет не больно могуч, но все-таки крылья и мотор есть. С него начали свой путь многие асы. Были такие и в третьей школе. Неизгладимый след оставил в сердце Павла старший лейтенант А. Гарсков, командир их авиационной эскадрильи. Вот это был летчик так летчик! Подвижный, энергичный, влюбленный в небо... О нем говорили: артист в воздухе, профессор на земле. Павел про себя отмечал: комэск — человек мужества.

Курсанты уважали Гарскова. Был он признанным авторитетом. Слово его — закон. Если комэск кривил губы и говорил — плохо, лучше не спорить. Значит, не постиг еще чего-то такого, что сразу и не распознаешь, но

без чего летчиком стать нельзя. На земле разговоры с комэском длились недолго и сводились в основном к тому, что очень напоминало Павлу его первую учительницу с ее наукой «смотреть» и «видеть». Гарсков учил их видеть. Он все показывал в воздухе и испытывающе спрашивал:

— Чувствуешь?

— Ясно,— отвечали ему. А он свое:

— Я о чувстве спрашиваю, а не о ясности. Машину чувствуешь? Ты ей «ногу даешь», а надо чуть-чуть руля. Ну, как теперь?

— Чувствую...

— Что чувствуешь?—допытывается командир.— Объясни, все объясни.

В провозном полете тысячу вводных задаст, только успевай отвечать. Но спешки не любил. Если в ответе упущено что-то, переспросит несколько раз. Но свое «выжмет». Когда молчит, не перебивает, знай—чушь плетешь. А если то и дело вопросыки вставляет, стало быть, доволен.

Говорил комэск резко, не всегда давая курсантам высказаться. Он был охвачен страстью действовать, но... На все его рапорты с просьбой послать на фронт отвечали отказом. Здесь же, в школе первоначального обучения, лейтенант явно скучал.

Павел сочувствовал Гарскову. Сам пережил такое же, поэтому и старался изо всех сил не огорчать инструктора.

Любил слушать его рассказы о небе. Было в них что-то самобытное, гарсковское. Сравнения комэск приводил самые неожиданные. Летчик, по его словам, как композитор и дирижер, должен находить единственно правильные ноты, слова и решения, чтобы из простых на первый взгляд наблюдений и действий возникала песня без слов — единственно правильная и точная схема его работы по пилотированию самолета.

Гарсков выпустил Павла в самостоятельный полет в марте. Еще снег лежал на аэродроме, утрамбованный, скрипучий. Курсанты грелись в каптерке, но каждый раз выскакивали посмотреть на посадку товарища и взглянуть в лицо старшего лейтенанта. Там — оценка полета.

Павла он хлопнул по плечу, и все. И уже другому: «Очередной!» Это значило — «полный ажур». Ребята торопились поздравить. Экзамен выдержан. А через год он начал летать в Ейском авиационном училище...

Война кончилась 9 мая 1945 года. Василий Половнев участвовал в ней танковым командиром, обморозился суровой зимой сорок

третьего, был контужен. Встретиться друзьям на фронтовых дорогах так и не довелось. Только 9 мая выпускник Ейского училища младший лейтенант Беляев получил назначение в один из полков авиации морского флота. И путь его лежал на восток, а не на запад. Там все уже было кончено.

Сутки, вторые, третьи... Далеко позади остался приморский южный городок и товарищи, с которыми вместе учились, летали, ходили по набережной, спешили в парк на танцы. Впереди, кажется, нет ничего, кроме железной дороги, которая то поднимается вверх, то змеей вьется вокруг уральских сопкок и гор. В далекий край, к Тихому океану ехал паренек в форме морского летчика.

Павел попал в один из боевых полков. Молодежи здесь было мало, да и той не давали особенно развернуться. Летали «старики». Они рвались в каждый боевой вылет. Доходило даже до скандалов. Где уж тут прорваться новичкам. Их больше использовали для несения нарядов, патрулирования, словом, старались «задвинуть на второй план», хотя называлось это несколько иначе — «ввод в строй». Так вроде бы менее обидно звучало.

«Молодые» поначалу не очень-то сетовали. Не потому, что не манило небо, а просто

их подавлял сам вид «стариков». Морские традиции в полку соблюдались четко: вместо нательных рубах здесь носили полосатые тельняшки, форму утюжили так, что складки на брюках напоминали лезвия палашей. Такие асы попадались — куда там! Идет по аэродрому, глаза прищурит, рука на кобуре, а клеш так и полощет. Походка и движения медлительные, словно тихоходная баржа вдоль берега тянет. А как раздастся команда: «По самолетам!» — клоочет, свистит быст-рокрылым ветром аэродром. Морские летчики летают.

Когда однажды на построении Павел услышал свою фамилию среди тех, кто должен был лететь на сопровождение бомбардировщиков, не поверил своим ушам. Его посылают на боевое задание? Он должен прикрывать от японских истребителей наши «пешки». Не ошибка ли это?

Но никакой ошибки не было. Группу сопровождения собрал командир и поставил задачу. Младший летчик Беляев входил в состав девятки.

До вылета оставалось около часа. Павел тщательно проверил готовность своего самолета, вместе с техником по вооружению зарядил полный боекомплект. Ну, теперь он

врезает самураям. Но стрелять в воздухе так и не пришлось. «Пешки» отбомбились без помех. Правда, с земли по ним стреляли, а сражение в воздухе не состоялось. Японцы не очень-то ввязывались в бой с нашими истребителями.

В документах Павла Ивановича Беляева значится один боевой вылет. Но это и все. Война кончилась.

Боевой вылет... Что понимают под этим словом — «боевой»? Стрельба, сброс бомб, схватка с воздушным противником, разведка?.. Все это так. Но коль кончилась война, нет настоящей работы военному летчику. Теперь пиши всюду: «учебный воздушный бой», «учебные стрельбы», «учебные атаки». Так ведь порой думают.

Ну, а если ты несешь службу недалеко от границы, если ты призван охранять священные рубежи своей Отчизны, если обстановка требует быть всегда начеку? Что тогда? Тогда каждый, самый обычный полет может стать боевым. Такова военная служба в мирное время.

В Приморье приходили зимы и весны. Годы прибавляли возраст, приносили опыт и зрелость. Всякое бывает в судьбе летчика: солнце, небо, любовь и ненависть, дожди и

рассветы. Наверное, это и хорошо. Ведь неинтересна, скучна гладкая, без поворотов и шероховатостей жизненная дорога. По такой не пройдешь, а проскользишь — и нечего вспомнить.

Павел не в обиде на свою судьбу. Она вела его нелегким путем, но вела правильно. В полку к нему относились хорошо. За славой не гнался, летал, как и все, даже лучше многих. Техника в те годы менялась быстро, но он поспевал за ней. С ЯКов пересел на ЛАГи, потом на МИГи. Семь разных типов самолетов в арсенале летчика, не считая учебных. Все семь он знал в совершенстве, пилотировал «чисто», умел заставить машину «поскрипеть», «поднатужиться». Словом, объезжал, как коней.

Не стояла на месте и должностная карьера летчика. Сначала старший летчик, потом — командир звена, потом — заместитель комэска по политчасти, потом — по летной. Но годы, как и самолеты во время боевых или учебных полетов, с неумолимой последовательностью и методичностью один за другим скрывались вдали. Только самолеты возвращались, выполнив задание, а вот годы... Редели волосы, гуще разбегались морщинки на лице. Но не только годы повинны в этом.

Жизнь, как известно, имеет много хитрых способов проверить человека: каков он на самом деле, чего стоит. Проверяла она и Павла Беляева.

Однажды он вел группу самолетов с острова на материк. Шли над морем. Куда ни глянь — всюду однообразная, тоскливая гладь. Сверху она кажется неподвижной, мертвой, серой. И только привычный глаз мог заметить на ней белые барашки волнистой шелюры, одинокие корабли, клыки каменных островов, дышащие множеством пузырьков. Это волны вздымают пеной холодную воду.

Павел смотрел на приборы. Они должны были вывести группу в заданный район. Ориентиров в море нет, «привязаться» не к чему. По расчету времени пройти оставалось километров двести. Высота — пять тысяч, но самолет нет-нет да и потянет вниз. Стал сдавать мотор. Вроде бы и работает без перебоев, но тянет слабо.

Истребитель стал заметно проседать. Павел прибавил обороты. Не получилось. Явно не хватало топлива. Прибор показывает, что в баках оно есть, а вот в двигатель почти не поступает. Попробовал и то, и это — результат прежний. Мотор не справлялся. Машина

теряла высоту. Когда нет тяги, самолет превращается в обычный железный планер. До земли — секунды.

До земли... Если бы это была земля! Тогда есть выход: можно найти площадку для посадки, пойти на вынужденную. А что делать, если под крылом вода? Вода впереди и сзади, слева и справа. Она словно поднималась ему навстречу.

До боли в глазах вглядывался в серую полосу, соединяющую небо и воду, но берега так и не видел. Далеко.

Попробовал дернуть рукоятку альвеерного насоса. Раз, другой, третий... Вроде бы лучше. Сразу почувствовал силу мотора. Потом еще и еще. Самолет перестал проседать. Летчик продолжал качать. В левой руке — ручка управления, в правой — рукоятка насоса. Качок, качок, качок...

Рука быстро устала. Слишком резко качал. Но медленнее нельзя. Подача топлива должна быть непрерывной и достаточной. Со стороны полет выглядел очень странно. Это и заметил ведомый. Самолет то и дело покачивало. Трудно удержать машину в строго определенном положении, когда одна рука все время в резких движениях. И не только рука. Он всем телом старался подаваться

вперед и назад, чтобы хоть как-то облегчить работу мышц.

Вперед, назад... Вперед, назад...

Сколько прошло времени? Казалось, вечность, что еще несколько качков, еще чуть-чуть, и он не найдет сил, чтобы повторять эти однообразные движения: вверх, вниз, вверх, вниз. Рука онемела, она не хотела слушаться, подчиняться человеку. А он, собрав всю волю, все силы, качал. В этом было его спасение. Без подкачки топлива мотор отказывался работать.

Павел цепко держал рукоятку насоса, словно прирос к ней, и когда мотор завывал на высокой ноте, он весь напряжинивался, как будто этим можно было увеличить силу машины. И снова качал, качал, качал...

Впереди море. Глаза всматриваются в размытую полоску, которая отделяет его от неба. Где ты, родная земля? Далеко ли до тебя? Сколько качков еще надо сделать, чтобы дотянуть? Сто? Двести? Тысячу? Может быть, десять тысяч? Нет, этого он уже не сможет сделать. Уже нет сил!

Липкий пот выступил под комбинезоном. В наушниках голос ведомого зачем-то напомнил: «Я—рядом, командир». Казалось, сквозь удивительно легкий шумовой фон слышно

было дыхание того, кто летел сзади... А сердце отстукивает гулко, будто вот оно, бьется прямо под кожаной курткой. «Ох и устал!»

Павел старался не думать об этом. От слов ведомого как-то тепло стало на душе. Вот она, дружба неба. У нее свои законы, законы бескорыстного товарищества. И даже у тех, кто летает на одноместных самолетах, нет своей, личной беды. Она всегда общая.

Но насос не выходил из головы. Вспомнился давний спор на аэродроме: можно ли на земле с помощью одного ручного насоса гонять мотор? Тогда все сошлись на том, что нет. Но ведь то был «теоретический» спор, спор предположений и ссылок на то, что кто-то пробовал и не получилось. Сейчас он знал точно: на ручном насосе лететь можно.

Стиснуты до боли зубы. Нервы, как струны: чуть — и лопнут. Они даже звенят в ушах каким-то раздражающим, надрывным звоном.

Но вот она, земля. Еще совсем немного. Там, за сопкой, аэродром. «Черт, как вспотели руки!» Павел выправил машину. Вроде бы легче стало качать. Это он просто сбавил темп. На посадке скорость растет сама за счет снижения.

Заходил без кругов. «Коробочку» в таком положении не построишь. Его пропустили

вне всякой очереди. Сел. Зарулил на стоянку. А когда вылез из кабины, рука повисла как плеть. Попробовал поднять, не смог, напрягся весь — и снова не смог. Спасибо тебе, рука. Большое спасибо.

Случаи... Разные они бывают в авиации: простые и сложные, обычные и необычные. Порой приходится летчику пережить тяжелые минуты в воздухе. Казалось бы, такое никогда не забудется. Ведь жизнь висела на волоске. А пройдет время, и унесут годы тревоги того дня или ночи. Да разве запомнишь все, что было? Сколько этих ночей и дней, когда ревели натужно моторы, под плоскостями оставались равнины и сопки, реки и моря. Россия-матушка большая, есть где полетать.

Бывает и так. Кончился трудный полет, все вроде бы обошлось нормально, а летчик долго ломает голову: случайно это или так и должно быть. Ведь он не пассажир в кабине, он делает все, чтобы исправить положение.

Был такой случай и у Павла. Все началось с обычного полета в зону. Погода поначалу не предвещала осложнений, но командир осторожничал, выпуская не все экипажи. Ждал.

Павел «ушел» в сторону моря. Выполняя задание, время от времени прислушивался к голосам в эфире. «Что там, в районе аэродрома?» Голоса в наушниках докладывали руководителю полетов о происходящем в воздухе: тот вышел к четвертому развороту, тот уходит на маршрут, чтобы садиться на другом аэродроме...

Павел как-то не обратил внимания, что все переговоры касались посадки. Свое задание выполнял неторопливо. «Время есть, зачем спешить?»

Погода между тем ухудшалась. Облака прижались к вершинам сопки, стал появляться туман. В воздухе не осталось ни одной машины, когда Павел провел самолет над дальним приводом. Земли не было видно. Облака! Про себя подумал: «Опять шалит погода. Командир оказался прав».

На их аэродроме были свои, особые условия посадки. По обеим сторонам сопки, впереди, если заходить с моря, тоже. При плохой видимости летчики не заходят по большому кругу. Опасно. Можно угодить в сопку. Садятся с открытой стороны.

...Самолет быстро терял высоту. Несколько десятков метров отделяло его от земли. Вот и ближний привод, а перед стеклом фонаря

сплошная серая мгла. Тогда он принял решение идти на второй круг.

Земля подсказала:

— Садитесь с ходу.

Летчик понял это по-своему — нельзя медлить.

Времени для размышлений не оставалось. Прибавил газку. Потянул ручку на себя и отвернул в сторону, чтобы построить посадочный маневр. Про себя думал: «Где же сопки? Как бы не зацепить».

Земля не успела его поправить.

На КП сразу стало тихо. Потянулась к губам чья-то рука и остановилась на полпути. Кто-то удивленно присвистнул. И снова тишина ударила в уши. Все молчали. Обстановка такая, что советами дела не поправишь. Лишние разговоры только мешают летчику. Командир дивизии тяжело вздохнул: «Справится ли Беляев?» Кто-то согласно кивнул, хотя вопрос так и не был задан вслух.

Беляев справлялся. В какие-то доли секунды он представил себе весь район аэродрома, вспомнил все свои посадки, перевел в единицы времени все свои действия. «Скорость такая-то, три секунды лета, потом разворот, потом снова несколько секунд по прямой, потом...»

Он понял всю опасность затеянного. Кто думал, что погода будет столь тороплива! Теперь — расчет, точный, ювелирный. Теперь — трезвость и самообладание, самообладание и трезвость. Ясность ума, во что бы то ни стало. Только так! Эту способность мыслить в самые критические минуты жизни воспитывали в нем и в школе первоначального обучения, и в летном училище, и здесь, в полку.

Павел не видел землю, не видел сопки, но он рисовал все это в своем воображении. Мысль работала четко. Вспомнилось, как совсем недавно он забирался на вершину сопки. Оттуда их военный городок с морским сквозняком над крышами домов казался до обидного маленьким. Может быть, оттого, что сопки слишком высоки. Взлетно-посадочная полоса пересекала их, словно хотела открыть дорогу солнцу.

Сейчас солнца не было. Ничего не было, кроме сплошной кисеи тумана. А сопки могли лишь угадываться, как что-то неотвратимое, угрожающее.

По спине пробежал холодок, хотя еще минуту назад ему казалось, что в кабине душно.

Сейчас он идет в ложине, обходит сопку.

Здесь ему ничего не должно помешать, только бы не ошибиться в расчетах.

Глаза смотрят на стрелку секундомера. Часы стали для него единственным пилотажным прибором. Они должны были выручить его, не допустить беды.

Вот он, последний разворот. Теперь надо спускаться. Ниже, ниже... Павел немного сбавил обороты и чуть отдал ручку вперед. Самолет стал проседать, покатила к нулю стрелка высотомера — 500, 400, 200... Стекло фонаря будто от волнения стало влажным, а за ним все такая же серая пелена. Приборы словно сами за глазами бегают: высота, скорость, авиагоризонт...

Пальцы на скользкой ручке занемели, стали совсем белыми. 180, 150 метров... Земли не видно. И вдруг мутная серость прорвалась до неправдоподобия ярким блеском. Огоньком ударили красные фонари. Показалась земля и торец посадочной полосы. Просматривалась она плохо, еле-еле, но он чувствовал ее приближение. Все страхи позади. Он ждет привычного толчка. Вот он. Колеса чиркнули по грунту и уверенно побежали вперед...

Как только Беляев вылез из кабины, его вызвали на КП. Генерал сидел хмурый, нерв-

но постукивал пальцами по крышке стола и долго не начинал разговор.

«Кого винить в том, что на его глазах чуть не произошла катастрофа? Обрушиться на этого капитана, который не так понял приказание и заставил всех пережить такое... Но ведь он и сам знал, что каждый его неверный шаг будет стоить жизни. Знал. Конечно, знал. Знал там, в воздухе. Но не струсил, не растерялся. Тютелька в тютельку провел самолет через невидимый коридор и спокойно посадил. Он и сейчас спокоен, хотя знает, что я ему не спущу...»

Генерал с рядами орденских планок и молодой капитан, сухощавый, с усталым лицом и слипшимися на лбу волосами, стояли друг против друга и несколько секунд от волнения не могли произнести ни слова. Наконец комдив резко шалнул вперед и сказал:

— Молодец, Беляев. Отличная посадка. Спасибо тебе.

В это «спасибо» генерал вложил столько душевного порыва, сердечной теплоты и благодарности, что офицер смутился и не знал, что ответить. Он пожал плечами, словно хотел сказать: не в сопку же врезаться.

Комдив знал Павла как хорошего летчика, требовательного командира, прямого и чест-

ного. Лихачество — «черт побери все!» — погоня за эффектом — это не для него. Движения капитана были стремительны и точны. Они говорили о большой внутренней силе летчика. Всегда сдержанный Беляев привлекал комдива своим оценивающе пристальным и цепким взглядом. «Таежный медведь, право, медведь, только фигурой не вышел».

Генерал не раз сам продвигал капитана по службе, советовал пойти на учебу в академию. И убедил все-таки. А когда дело коснулось отправки документов, вдруг оказалось, что у Беляева нет аттестата зрелости.

Виной всему проклятая война. В 1942 году в школе, где он учился, не было бланков. Выпускникам выдали справки, все, как положено: оценки, подписи, печать с гербом. В училище справку признали документом, а вот в приемной комиссии академии — нет.

Генерал сам подписал запрос в уральскую школу, хотя и сомневался, что там сохранились архивы тринадцатилетней давности. Однако ответ пришел быстро, а с ним и аттестат об окончании десятилетки.

Конкурсные экзамены Павел сдал успешно. Потом его вызвали в Москву. За одиннадцать лет небо так «примагнитило» летчика, что уже в первый свой учебный день он не

на шутку загрустил и подумал, что вновь сможет обрести форму лишь в безбрежном пятом океане. Так думалось тогда. Но себя переборол. Все три года учился упорно. «Не для дяди ведь, а для себя». Зимой просиживал за книгами и конспектами, а летом уезжал на тренировки в часть. Летчик должен летать.

В конце учебы его пригласили на беседу в партком академии. Здесь он бывал и раньше, но речь обычно шла о другом: партийные поручения, работа в комиссиях, выступления с докладами... Мало ли дел у активистов? В тот день в парткоме говорили, будто на комиссии по распределению, да и вопросы задавали необычные. Спросили, хочет ли летать на новой технике, как относится к техническому прогрессу авиации.

Павел долго не задумывался. Какой летчик откажется от новой матчасти. Весь смысл развития авиации в росте трех измерений: скорости, дальности и высоты.

— Не торопитесь,— перебили его.— Техника необычная и не совсем авиационная. Есть время подумать, можно и отказаться. Дело сугубо добровольное.

Павел подождал, пока присутствующие в кабинете закончат разговор, и твердо повторил:

— Согласен.

О чем он думал тогда? О том, что отважные души рвутся к опасности, к подвигу, к алым парусам романтики, чтобы до краев заполнить ими жизнь? Нет. Это другая натура. В нем все это скрыто в самой глубине, даже сам себе не всегда признается в этом. Просто коль уж пошел по лестнице в небо, надо шагать до конца, до самой вершины. И не ради славы. Он летчик и коммунист.

Через три месяца после этого разговора его вызвали на отборочную комиссию.

ВСЕМ НЕСЧАСТЬЯМ НАЗЛО

Упорство и мужество — главные его черты. Это он доказал на деле. Был у него один случай...

Юрий Гагарин

Каждому, кто попал в группу космонавтов еще в 1960-м, пришлось не только осваивать новое дело, но и проходить очень сложный и обширный комплекс тренировок. Были предположения, были расчеты, были интуиция и поиск ученых. Все это суммировалось, обобщалось, анализировалось. От чего-то от-

казывались сразу. Другое вырывалось с болью, словно коренной зуб. И только огромная серия опытов, тщательная обработка результатов и, конечно, первый полет человека могли ответить на очень многие вопросы и помочь выбрать правильную методику.

А тогда опробовалось все: различные стенды, имитационные установки, тренировочные снаряды, отработка специальных упражнений, полеты на различных типах самолетов, прыжки с парашютом и многое другое.

Уровень парашютной подготовки у ребят был разный. Одни успели набрать довольно солидное количество прыжков в частях, где служили раньше, другие знали парашют по двум-трем прыжкам. Павлу приходилось прыгать и раньше. Из таких и составили специальную группу. В нее вошли Беляев, Комаров, Леонов и другие. Сначала вспоминали «теорию», потом приступили к практическим занятиям.

В один из августовских дней Беляев и Леонов должны были сделать по два прыжка с задержкой по 30 секунд. Видавший виды АН-2 стартовал с небольшого аэродрома, набрал нужную высоту — 1600 метров, вышел в район, и инструктор подал команду:

— Пошел!

Первый прыжок прошел нормально. Перерыв был недолгим. Но когда поднимались в воздух второй раз, ветер усилился. У земли это особенно не ощущалось, а вот на высоте давало себя знать. По тому, как качнуло самолет, можно было судить о силе порывов ветра.

Прыгали по двое. Павел и Алексей по команде отделились от самолета, сделали все, что положено по инструкции. 30-я секунда падения в бездну напомнила о себе сильным рывком. Раскрылся купол. Его ромашка заслонила солнце. Красиво смотрится белое на голубом.

Павел поискал глазами Лешу. Его парашют раскрылся, и они оба спускались навстречу земле. Ветер относил их левее, левее... Сносило здорово. Все попытки справиться с ветром не сразу изменили положение. Оба поняли, что им не удастся приземлиться в центре условного аэродрома, и старались хоть как-то удержаться в его границах.

Павел натянул стропы. Скорость спуска увеличилась. Снос стал заметно меньшим. Земля совсем рядом. Последние метры. Потом сильный удар и рывок в сторону. Купол тащил Павла по траве, словно парус легкую

яхту. Нога летчика выхляла из стороны в сторону, отдаваясь острой, нестерпимой болью.

«Сломал», — мелькнула мысль.

Его продолжало тащить. Кто-то из товарищей, бежавших рядом, схватился за стропы, но не удержался на ногах. Метров пятьдесят их волокно вместе. Помогли ребята, которые один за другим попадали на купол и «погасили» его.

Вот тут боль почувствовалась еще сильнее. Хоть криком кричи. Встать не смог. Бокковой удар о землю был настолько сильным, что оторвало каблучище у парашютных ботинок. Все пять стальных шурупов словно ножом срезало. В госпитале врачи констатировали: «закрытый оскольчатый спиральный перелом диафизов обеих костей левой голени со смещением отломков». В этих словах был его приговор.

До чего же сложна жизнь! Месяцы кропотливого труда, духовного и физического, месяцы, которые принесли долгожданные плоды,— все, казалось, пошло прахом в какие-нибудь секунды.

Эти секунды стали тогда для Павла средоточием мучительных раздумий. Что это было? Оплошность, неумение бороться с вет-

ром или только роковое стечение обстоятельств?

Началось лечение. Сколь долгим оно будет? Обычно этот вопрос волнует каждого больного. Павла тревожило другое: чем все это кончится? Оставят ли его в отряде космонавтов или спишут как непригодного?

Из разговора врачей уловил, что случай тяжелый, кости в этих местах срастаются плохо, бывают всякого рода искривления, иногда появляются ложные суставы. Видя настороженность больного, пожилой хирург успокоил:

— Унывать рано. Мы пока лишь оцениваем положение. Многое будет зависеть и от вас самих.

К вечеру в госпиталь приехал Юрий Гагарин, начальники космонавтов. Они рассказали врачам, кто их пациент, попросили сделать все возможное, чтобы Беляев мог снова вернуться в строй.

...Нога болела. Казалось, не будет конца этой ноющей боли. Еще бы, ему просверлили пятку, вставили спицу, долго тянули, гипсовали, потом подвесили несколько грузов для лучшего и правильного срастания.

— Терпеть, терпеть, голубчик, терпеть,— говорил хирург, который руководил всей

этой операцией.— Лежать спокойно, не нервничать, это и вам, и нам поможет пересилить недуг.

Потекли дни ожидания. Однообразные, скучные. Как бы жил человек, если бы не было на свете книг! Он читал и перечитывал все, что попадалось под руку, но больше любил историю. Поэтому-то дежурная сестра приносила ему «Петра I», «Войну и мир», «Дмитрия Донского», «Переяславскую раду»... Книги отвлекали, помогали забыться.

Дни складывались в месяцы, сначала в один, потом в другой, третий... Тем, кому приходилось долго лежать в больнице, наверное, знакома тоска по дому, по работе, острое желание пройтись по знакомой улице, окунуться в обстановку будничной суеты. Как ни внимательны были врачи госпиталя, Павла неудержимо влекло к беспокойной жизни «звездного городка». Визиты ребят, короткие записки тех, кто не сумел прийти, — все это поднимало настроение, согревала мысль: обо мне помнят. Но тревога не покидала. Сначала беспокойство рождалось из-за долгого несрастания костей. Теперь тревожило то, что малая кость срослась и стала как бы распоркой, мешающей срастаться большой.

К концу пятого месяца начальник хирургического отделения госпиталя предложил сделать операцию. Василий Тимофеевич говорил доверительно, не скрывая своей тревоги, но убеждал, что это нужно.

Павел внимательно слушал опытного хирурга, подробно расспрашивал: зачем, что, как. Его не торопили с ответом. Он думал.

Василий Тимофеевич не гарантировал сто-процентный успех. Нет, он не сомневался, что кости срастутся. Но как? Не станет ли это помехой для норм медицины космической? Сможет ли Беляев остаться в отряде космонавтов или... Идти на риск Павел не решался. Он, летчик, рисковал много раз в воздухе, но не хотел рискнуть на земле. Слишком дорогой ценой могла окупиться неудача. Его отчислят.

Наутро попросил медсестру принести ему книги по травматологической хирургии. Прочитал. Некоторые места перечитывал по нескольку раз, делал закладки. Медицина давалась туго. Это не привычные законы аэродинамики, теории полета, конструкции самолета. Чужая терминология. Отложив книгу в сторону, долго думал. Надо было думать. От операции решил отказаться.

Последний снимок не принес утешения.

Василий Тимофеевич снова завел разговор об операции. Павел отказался. Попросил, чтобы его выписали для лечения домой.

— Подождем. Дней через двадцать, если ничего не изменится, я готов и под нож.

Василий Тимофеевич не настаивал.

— Ну что ж, подождем... Есть, правда, и другой выход,— говорил хирург.— Нужна нагрузка на ногу. Постоянная и большая. Только она может заставить кость срастись, плотно соединив места перелома. Тогда и малая кость помехой не будет, она деформируется.

Павел верил этому человеку, чувствовал, что он тоже переживает его беду, чувствовал доброту, а главное — не жалость к себе, а сочувствие суровое, трезвое, но обнадеживающее. Вместе они должны победить. Должны!

На некоторое время он вернулся домой. Было решено: он испробует подсказанный метод. Пусть нет полной гарантии, но какой-то шанс есть, и отказываться от него нельзя.

Павел снова взялся за медицинские книги, анализировал советы врачей. В доме появились тяжелые гантели. Килограммов по двадцать каждая. Он брал их в руки и стоял на одной ноге, той, что сломана. Было больно,

очень больно, но он терпел. Стоял до тех пор, пока боль не побеждала его.

Когда превозмогать ее было невозможно, бросал гантели и валялся на диван. Закрыв глаза и стиснув зубы, ждал, когда станет чуть полегче. Потом снова вставал, брал в руки груз, опирался на больную ногу. И так каждый день. Двадцать дней подряд.

Татьяна Филипповна — жена Беляева — делала все, чтобы отвлечь его от боли, от мрачных мыслей, заставляла верить, что он не останется калекой, вернется в строй.

...Незаметно пришел апрель. Сосновый бор был еще в зимнем убранстве, но уже повесенному пригревало солнце, появились первые проталины, потемнели дороги. В госпиталь ехали двое: он и шофер. За поворотом дорога выровнялась и побежала навстречу широкой лентой. «Так ведь и жизнь, — думалось ему, — еще вся лежит впереди, как большая непрочитанная книга. В ней много хороших людей и много хороших дорог. Ту ли я выбрал? Еще не поздно начать сначала. А что начать? И почему начать, а не продолжить?»

Он тихонько вошел в подъезд. В пустом вестибюле — никого. В сумерках на стене белел портрет Ленина. Два движения костыля-

ми, и Павел был рядом. Родное, знакомое до мельчайшей морщинки лицо внимательно смотрело на него с портрета. Вспомнился Маяковский: «Ленин и теперь живее всех живых...»

Василий Тимофеевич сразу заметил тревогу в глазах Павла. Вида не подал:

— Ну, вот и приехал, голубчик. Сейчас мы снимочек сделаем. Уверен, что дела продвинулись вперед.

Павел чуть скривил в улыбке губы. Ох, как он ждал этого снимка, как надеялся на него! Решалась судьба его космического пути — быть ему или не быть.

Пленку принесли мокрой. Разве можно ждать, пока высохнет. Смотрели сразу несколько глаз. Смотрели внимательно, пристально, передавали из рук в руки, молчали. Ждали, что скажет Василий Тимофеевич. Он тоже молчал. Потом подошел к Павлу, положил свою большую и сильную руку на плечо летчика и, стараясь скрыть волнение, спросил:

— Кто подсказал вам эту мысль? — Врач вопросительно посмотрел в глаза летчика, как бы стараясь еще раз убедиться, что этот невысокого роста человек с волевым лицом сам искал пути своего «спасения».

— Василий Тимофеевич, это же вы подсказали еще тогда. Помните?

Хирург лукаво заулыбался:

— Твердо знаю одно, голубчик. Ты победил. Победил свою ногу всем несчастьям назло.

Окончательную победу праздновать было рано. Требовался длительный период осторожности и лечения мышц: ванны, грязи, упражнения для разработки.

Потом снова госпиталь. На этот раз Павел пришел сюда без костылей. Легко, свободно вбежал на третий этаж. Здесь собралась заключительная комиссия. Мнение врачей было единодушным: «Годен!»

Год... Целый год Павел не принимал участия в тренировках. Товарищи ушли далеко вперед, обогнали его. В те дни ждали нового полета к звездам, готовились к нему. И время уже считали часами. Кончался март 1962 года.

Казалось, все, прошла зима тревоги нашей, но нет. Как-то Павел случайно услышал разговор двух докторов, контролирующих тренировки космонавтов. Речь шла о возможности преодолеть психологическую травму после неудачного прыжка с парашютом. Не появится ли боязнь земли, не будет ли парашютист поджимать «неудачную» ногу? Надо

быть дураком, чтобы не понять, что это говорят о нем. Горечь наполнила душу, сердце больно сжалось: неужели хотят отчислить, неужели не верят в него? И при чем тут: «возиться с одним, когда надо готовить других»?

Домой пришел мрачный. Пошуршал газетой, промерил шагами проход от окна до стены, ужинать не стал. Лег.

«Он — и другие... Выходит, что он мешает им идти вперед. Ну и ну!»

Личное всегда надо уметь подчинять общественному — до того дня Павел воспринимал эту истину на веру, не особенно вдумываясь в ее огромное содержание. Он знал только, что это нелегко, но лишь теперь впервые осознал, что иногда это и невозможно, когда за общественное мнение выдается мнение отдельных людей, не научившихся обращаться с этим сложнейшим и тончайшим оружием.

Наутро пришел к командиру. Стал просить, требовать, чтобы его проверили на прыжках. К просьбе его относились очень осторожно: горячится, мол. Да, он горячился. Не может человек оставаться равнодушным, когда решается, быть или не быть его крыльям, когда хотят отнять у летчика небо.

Своего все-таки добился. На прыжки поехали большой группой. Некоторые присоединились просто так, для моральной поддержки. И вот он, первый прыжок. Последний был полтора года назад. Все волновались. Больше других сам Павел. Но когда покинул самолет, волнение вдруг словно оборвалось, ушло куда-то, как будто он оставил его там, наверху, в самолете.

Приземлился спокойно. Самортизировал сразу обеими ногами, сделал шаг к погасшему куполу, потом попрыгал, похлопал руками по голенищам ботинок. Все нормально! А со всех сторон бежали товарищи.

— Молодец, Павлик!

Потом второй прыжок, третий, четвертый. Всего семь зачетных, и все семь отлично. Теперь можно тренироваться по полной программе.

Ждите, далекие звезды, Павел Беляев сделал заявку на свой полет! Он твердо знает пароль космоса. Это — мужество.

СЛУЧАЙ С ТОВАРИЩЕМ

Ему можно во всем довериться. Дружба с ним крепка и надежна. Такой никогда не подведет, за товарища горой станет.

Владимир Комаров

Шло отчетно-выборное партийное собрание отряда космонавтов. Когда настал черед назвать кандидатуру нового секретаря, кто-то сказал:

— Предлагаю Беляева.

Других не называли. Так за него и проголосовали. Все. Потом поздравляли, желали успехов в работе. А он все думал, чем же его завтрашний день будет отличаться от того, что ушел во «вчера»?

Поначалу не было заметных перемен. Он назначал и проводил собрания, переписывал протоколы и составлял планы, собирал партийные взносы. На собраниях выступал редко, но резко, говорил негромко, но принципам не уступал. Правда, все это казалось обыденным: рабочие дела, рабочий разговор. Крутых поворотов на его секретарском пути пока не было.

И вот, пожалуйста, «история» с Владимиром Комаровым. Врачи решили отчислить

его. Ходил к начальству, узнавал, расспрашивал. словно кнутом хлестнуло и отдалось ноющей болью сухое, бесстрастное слово «не годен». Он сам был на положении Комарова, слышал приговор медицины, но не согласился с ним.

Тогда дело касалось лично его, его судьбы. Сейчас — другого, его товарища, коммуниста из его партийной организации. Если говорить авиационным языком, — его ведомого. Сколько было у них разговоров, простых и задушевных, сочувственных и успокаивающих. А ведь не в этом нуждался Владимир. Он хотел, чтобы ему поверили, поверили, что он может.

Павел знал Комарова, верил ему и, может быть, оттого, что слишком близко к сердцу принимал его беду, сорвался немножко, поспешил. В кабинет секретаря парткома он не вошел, а вбежал. Начал сразу, без особых вступлений. Обвинил в необъективности медицинскую комиссию, накричал, нашумел...

В парткоме не поняли, о чем он речь ведет, кого и за что ругает. Поняли, что дело очень важное, с кондачка не решается, но и промедления не терпит. Павел пересказывал историю Комарова, говорил о досадной ошибке, о боязни «некоторых» взять на себя

ответственность, толковал о медицинской науке:

— Поймите, я в партком пришел и вернуться назад с пустыми руками не могу, не имею права, морального.

Секретарь парткома обещал разобраться и помочь. Он уже при Павле стал звонить по телефону, вызывать к себе людей, просил подготовить все документы. А на прощание сказал:

— А ты горячий.

— Я не горячий,— оправдывался тот,— я счастливый. Я ведь сам был в таком положении. Медицина помогла, а ведь сама же и «рубилась». Ему тоже поможет.

Да, дружба с ним крепка и надежна. Это мнение многих из «звездного городка». Да что многих? Спросите любого.

Знает это и Алексей Леонов. Ведь они полетят вместе. Пока это неофициально, конечно, но так поговаривают все. Они вместе готовятся к полету, вместе тренируются, вместе разбирают тренировки, удачи и промахи.

В буднях учебы, тренировок и складывалась их дружба—простая, суровая, как сурова армейская жизнь. Командир всегда спокоен, сосредоточен, собран. Его помощник—наоборот, подвижен, порывист, горяч.

Друзья прекрасно дополняют один другого.

Хорошие ребята. Вместе им — 70 лет. Преклонный возраст! Но ведь это — сумма.

Вечерами Леонов частенько забегает к Павлу Ивановичу. Они долго о чем-то спорят, доказывая что-то друг другу. Никто не знает, о чем это они. Но догадываются — о своих делах, о предстоящем полете.

За стеной звучит детский голосок: «Пусть всегда будет солнце!» Любовь и счастье нашли дорогу в дом Павла Ивановича Беляева, не обошли стороной. И каждый день ждут папу с работы Ирина, Люда и Татьяна Филипповна.

Он любит слушать, как девочки играют на пианино. Иногда сам садится за инструмент. Когда смотришь на его пальцы — тонкие, чуткие, даже не верится, что они тысячу часов держали штурвал самолета. Теперь в этих руках будет штурвал космического корабля.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ И РИСУНКИ

Для матери он всегда был и будет ребенком. В любом возрасте: и когда повязывал пионерский галстук, и когда получал комсомольский билет, и когда приезжал домой бравым летчиком — лейтенантом. Теперь он майор, космонавт. Все равно мать называет его по-прежнему, как и в детстве, — Лешенька. Беспокойтся о нем: «Как там одевается? На дворе-то морозы. Привык летать без шапки».

Алексей — средний сын в большой леоновской семье. А вылетел он из родительского гнезда раньше всех — неудержимо потянуло в небо. Свыше десятка лет где-то летает. Приходили письма из разных городов. То удалялся, то приближался он к дому. И все-таки он далеко от матери. Не позаботишься, не приглядишь за ним. Только в письмах спрашивала: «Крепкие у тебя, Алешенька, крылья? Хорошо тебя держат?» Эти наивные строки вызывали улыбку у сына. Но он видел за ними и другое — заботливое, беспокойное сердце матери.

Стосковавшись по сыну, она звала мужа: «Поедем к Лешеньке. Видишь, он пишет: не скоро отпуск». Ездили в гости. И в далекие города, и в Москву. По привычке привозили гостинцы: яблоки из своего сада, самые крупные и сладкие. Сына теперь не узнаешь — он совсем взрослый, мужественный. Нежность к нему перенесли на маленькую внучку Вику.

В последнее время сын чем-то очень занят. Сам не приезжает домой, и родителям не удастся к нему выбраться: прихварывает Евдокия Минаевна. Да и у Архипа Алексеевича побаливают ноги. Возраст уже порядочный — скоро семьдесят три. Тяжеловаты поездки.

— Устает небось Алешенька? — спрашивает Евдокия Минаевна. — Он ведь у нас неумный... Хоть день, хоть ночь — все равно будет работать... пока до конца не справится с делом. В пионерский лагерь ездил физруком. Два раза подряд. Все поправились, а он похудел. Спрашиваю: «Ты что, Алешенька, не бережешь себя?» Он смеется: «Наоборот, мама... берегу свою фигуру. Когда я стройный, намного красивее». Потом мне ребята говорили, что Алешенька и себе, и другим не дает покоя — то какую-то игру затевает,

вроде военных маневров, то всех тянет на спортивную площадку, то на лодочные гонки... Где-то у нас была фотография. Сейчас поищу.

Евдокия Минаевна искала недолго — в шкафу лежал альбом с фотографиями, и она достала его, развернув посередине. Видимо, частенько заглядывала в этот альбом.

— Видите, какой щуплый? Будто обносился в лагере,— показала Евдокия Минаевна фотографию, где Алексей стоял рядом с ребятами. Откровенно говоря, незаметно, что он «обносился». Но матери виднее. — А вот Алешин подарок.

Она достала Почетную грамоту горкома комсомола, которая выдана Алексею за образцовую организацию спортивной работы в лагере. Грамота в рамке, хранится дома как дорогая реликвия.

— А это Алешина яхта,— кивнула Евдокия Минаевна на другой снимок. Фотография темноватая, любительская, но все-таки на ней можно различить маленькое парусное суденышко. А около него — улыбающийся Алексей в группе товарищей-подростков. — Одна морока с этой яхтой была. Целыми днями пропадали у моря... Строили. Домой не дозовешься. Придет ночью голодный,

усталый. Скажет: «Скоро спустим на воду. И махнем в моря-океаны». Яхту-то строили из разбитых лодок. Везде шныряли, тащили всякий хлам. И отца втянули в компанию: он у них вроде как прорабом был. Увлекся старый. Придет, бывало, с работы, наскоро перекусит и к ребятишкам: посмотрю, мол, как управляются... Что вы думаете, построили эту самую яхту. В море катались. Правда, до океана так и не добрались. Ушел Алешенька в летчики. Вы были у него дома, видели на стенах-то картины? Все картины о море. Корабли парусные, море шумящее... моря-океаны в душе у него живут. Рисует много.

В конце альбома — школьные рисунки Алексея. И тут опять море, яхты, корабли... Рисунков много. Евдокия Минаевна пояснила:

— Лешенька давно рисует... С первого класса. У нас большая семья — шесть дочерей, три сына. И многие с детства пристрастились к художеству, первый начал старшой, Петя. За ним — Лешенька. Петя бросил, в мастерские пошел, выдумывает всякие самоделки. Башковитый парень, но от художества отошел. А Лешенька не бросил. Никто его не учил. Сам до всего докапывался. Бывало, сидит часами, пыхтит. Ребята зовут:

«Лешка, выходи играть». — «Некогда», — отвечает. И сидит... сидит. Сколько изводил красок! Отец приносил их чуть ли не каждую неделю. Что сделаешь, в семье художник. С четвертого или пятого класса он маслом рисовал. Тут еще больше труда. Мы удивлялись, как у него хватает терпения. Мог дни и ночи рисовать. На учебе сказывалось. Пришлось его немного остудить. Все равно не бросил кисть. Я же говорила: он у нас неумный. Вот каким был уже в те годы.

Евдокия Минаевна показала и на другой полинявший снимок. На нем Алексей стоит рядом с какой-то картиной — не разберешь, что там написано. Возможно, набросок картины. Но отчетливо заметно выражение лица юного художника — смотрит куда-то вдаль, словно увидел там что-то необычное. В глазах — любопытство. Подумалось: что-то свое разглядывает в жизни этот паренек.

И еще рисунки... рисунки, на многих — разрушенные дома, а поблизости — цветущие яблони. «Жизнь побеждает», — написано под одним из них. Евдокия Минаевна сказала:

— Это наш Калининград. Лешенька вместе с ребятами облазил все развалины.

Не знаю, что там искали. Говорят, всяких остатков войны там полно — каски, сломанное оружие находили ребятишки. Мне он об этом не говорил. А развалины его угнетали. Как-то сказал: «Теперь я понял, какой это ужас — война». Я думаю, и в летчики он пошел потому, чтобы не было войны. И развалин чтобы не было. Защищать пошел мир. Я так и сказала на женском собрании. Женщины меня поняли, аплодировали дружно.

А в летную школу он пошел сам, без призыва. Добровольцем. Надумал — и пошел. Он такой у нас: если надумает, не собьешь с толку. До конца пойдет по своей дороге.

ПУТЕВОДНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Рассказ Алексея Леонова

Нормальное состояние человека — когда он на взлете. А если его приземлят, держат будто на привязи — это совсем ненормально. Человек, как птица, создан для полета. Я убедился в этом на последнем курсе Чугуевского авиационного училища.

Тогда перед нами, курсантами, поставили как бы шлагбаум. Мы разогнались — и вдруг

стоп: непредвиденная остановка. Точно споткнулись на бегу. Тишина на аэродроме. Провожали глазами чужие самолеты. Они летали, а мы — на земле. Нас не выпускали в небо.

— Долго будем терять золотое время? Ведь скоро выпуск, — теребили мы инструктора.

— Что я могу сделать? Указание свыше, — пожимал он плечами.

Наш инструктор Юра Вахрушев (это теперь мы зовем его Юрой) — человек предприимчивый. При любой загвоздке он срывается с места: «Я сейчас...» Куда-то мчится, на кого-то нажимает. Смотришь, перед нами зеленый огонек — он расчистил препятствия. А тут и боевой Юра ничего не мог сделать. Запрет поступил свыше. На нашем аэродроме произошла катастрофа. Всех она задела черным крылом. Беда есть беда. Но не опускать же крылья. В таких случаях один выход — извлечь уроки. Внушили и себе, и товарищам: строже требовательность. Жизнь продолжалась. И вдруг все перевернулось: поступило указание запретить полеты. Не велено курсантов отпускать с земли. Почему? Не объяснено. Как хочешь, так и понимай. Мы поняли так: кое-кто опасается, как бы

с нами чего не случилось. Не дай бог, еще неудача... Говорят, один начальник, привыкший к перестраховке (теперь его не видно на горизонте), «глубокомысленно» изрек: «Летунам-то что? Они ни за что не отвечают — разобьются, и только. А мне выговор или еще поостроже».

Не летали мы месяца два-три. Погода стояла тихая, летная — звала в небо. Вовсе сникли, тосковали, будто выгнули из нас какие-то пружинки. Что-то изучали, но больше, понятно, ждали: может, поднимут шлагбаум?

В один из таких тягостных дней командир эскадрильи подполковник Николаев сообщил мне:

— В Харьков поедете, Леонов.

— Зачем? — удивился я.

— На Всеармейское совещание отличников, — объяснил он. — Как представитель нашего училища.

Будто нежданно-негаданно распахнулась дверь, и передо мной открылся какой-то светлый мир. Меня посылают туда, а я не могу войти — «нечистый». Что я там буду представлять? Наше отставание, наш позор? Может, смеется подполковник Николаев? Нет, он не смеется — самый серьезный человек в полку. Всегда строгий, выдержанный,

ничего лишнего ни в словах, ни в движениях. И лицо у него словно высечено из бурого камня — с вечным загаром. С подполковником надо говорить в открытую. Он больше всего уважает прямоту. Я выпалил:

— Не привык ездить по чужому билету.

— По чужому? — Николаев приподнял даже плечи. — Не считаете себя отличником?

— Какой я теперь отличник! Совсем не летаю. В «хвостовые» пора записывать.

— Крайности, — возразил он. — А отличником как были, так и остались... Даже больше: удостоены небывалой чести... Поезжайте спокойно.

— Спокойно не могу. Приеду с таким багажом? Что скажу людям, как на них посмотрю?

— Ну вот, разошелся... петушок, — впервые улыбнулся подполковник. Глянул на меня раз, другой, видно, взвешивал, стоит ли дальше продолжать разговор. Склонился ко мне: — Думаете, у меня тоже не сосет под ложечкой? Сам не свой хожу. Но обхожусь без пустого звона и нытья. Легче всего раскисать или петушиться... Будь мужественным в любых случаях, уважаемый отличник. Не падай духом.

— И смиренно жди? — подхватил я.

— Ждать тоже непросто. Нужна большая выдержка. — И загадочно добавил: — Конечно, не только ждать...

Он не разъяснил, что значит «не только». Кивнул головой — разговор, мол, закончен. Оборвал его на полуслове. Вроде как взлетел, а посадки не совершил. Сам себе изменил наш прямой подполковник. А может, и не изменил, мне самому доверил посадку? Не желторотый юнец, бери в руки штурвал и действуй самостоятельно. «Не только жди», «будь мужественным», — слышались его напутствия. Они звучали для меня как позывные, как пеленг в полете.

Пришел в казарму, сел в уголок, задумался. Ребята не привыкли видеть меня в одиночестве да еще в таком раздумье. Подходил ко мне, что-то спрашивали, я невнятно бурчал. Встряхнули за плечи:

— Что с тобой, Лешка?

— Наш комсомольский секретарь расстроился — плохо мы выполняем поручения, — попытался кто-то сострить, но на него шикнули: нашел, мол, время...

Не слишком бодро сообщил я товарищам новость. Они смотрели на меня с недоумением — не могли понять, почему я не ликую.

Такое счастье выпало! Чего еще раздумывать?

— Неудобно как-то... О чем там говорить? В хвосте плетемся,— начал я снова ту же песенку.

Ребята минуту-другую помолчали, размышляя, а потом как будто всех прорвало:

— Не тебе стыдно... Ты ни при чем.

— А насчет полетов ты скажи при случае на совещании... Осторожно, конечно.

— У Лешки осторожно не выйдет. Он горячий. На комсомольском собрании так чистит... Перья летят.

— В своем кругу можно. А там — высокое совещание. Тысячи людей слушают. Побойшься что-то и сказать.

— Леша, ты не бойся. Если не с трибуны, то просто так, в личной беседе доложи. Рядом будут крупные начальники. Они не знают нашей обстановки. Может, примут меры.

Я сидел, слушал, а вокруг меня бушевали страсти. Говорили много и по-разному, но все сошлись на одном: надо мне как делегату училища «поднять вопрос», «умно доложить» о нашем тяжелом положении. Я получил коллективный наказ. «Не только ждать»,— вспомнились загадочные слова подполковни-

ка Николаева. Возможно, и за ними угадывался наказ. Я вдруг понял их скрытый смысл. Подполковник, судя по всему, хотел сказать: «Не только ждать, а и не сдаваться, не опускать руки. Будь мужественным, уважаемый отличник». Теперь уже отчетливо слышался командирский пеленг. И я пошел на него. А товарищей заверил:

— Не собьюсь с маршрута.

В зале переливались цвета, рябило в глазах. Весь зал — словно радуга — красные, голубые, черные, зеленые погоны... Каждый род войск составил свое «землячество». Мы, «голубые с желтыми полосками», курсанты авиационных училищ, — тоже вместе. Рядом со мной сидел Костя, старшина из знаменитого Качинского училища, широкоплечий парень с большими карими глазами. Крепкий, прочный, как дубок. Ходил медленно, по-матросски покачиваясь и расставляя ноги, словно на палубе. Он и был матросом. С корабля пришел в авиационное училище. С детства парня тянуло на летную дорожку. Пронес свою мечту через моря и океаны, через все испытания. Вот какие есть цельные люди! Таких я крепко уважаю.

У меня все получилось наоборот — вырос у моря, в Калининграде, мечтал о дальних плаваниях, а поднялся в небо. Как-то неожиданно шагнул в сторону. Скоро убедился: шагнул на правильную дорогу. Это и есть мое призвание. Я — убежденный «летун». Так же, как и Костя. Значит, мы свои люди. А со своим человеком и говорить можно откровенно. Рассказал ему о наказе товарищей по училищу. Костя отнесся к нему серьезно.

— Тебе вроде как перед атакой доверили флажок. Ты должен первым водрузить его на высоте, — так он определил мою миссию.

Я отмахнулся от него: громкие слова. Какой там флажок: все намного проще. Надо доложить начальству... Ведь так просили товарищи. Но время шло, а я почему-то медлил, не докладывал. Почему-то боялся: не измельчает ли моя миссия от такого доклада, не примут ли меня за жалобщика? Я никогда не жаловался. Если что не так, говорил прямо, без стеснения. Правда, не обходилось и без синяков, но зато на душе было спокойно: я поступал честно. Допустим, меня не примут за жалобщика. Но все-таки останется осадок: как будто я исполнил свою миссию тайком, полупшепотом. А надо в полный голос.

Как говорит поэт: «Мне по нраву речь прямая, на полном выдохе слова...» Да и чего стесняться. Я стою за правду. За мной — коллектив всего училища. Смущало только, не прозвучит ли мое выступление, как гром среди ясного неба? Послушаешь, все делятся опытом, говорят об успехах. А я покажу теневую сторону. Правда, в любой картине свет гармонирует с тенью. Но когда тень слишком выпирает, уродливой выглядит картина. Все, видимо, зависит от точки зрения. Бывают даже оптимистические трагедии.

Я решил: выступлю на совещании. Костя положил на мое колено свою широченную ладонь: поддержал молча. О флажке он больше не упоминал. А мне почему-то вспомнился юношеский рисунок «Солдат перед атакой». Я долго бился над ним, чего-то не хватало на рисунке. Возможно, флажка. Флажок — символ духа, идеи. Видно, его несет в руках и в своем сердце солдат. Незаметно я, кажется, настроился на высокий лад, на одну «волну» со своим приятелем. Смутился вначале. Не привык к высоким словам. А вдуматься, сейчас они очень к месту. Настраивают на хорошее. Как горьковская «Песня о Буревестнике».

В перерыве увел Костю в тихий коридор-

чик, как на генеральной репетиции, произнес перед ним свою речь. Он показал большой палец и даже похлопал в ладоши. Видно, для того, чтобы окрылить меня. Чудак! Я и так словно в полете. Даже «сложняк» не собьет с маршрута.

Переволновался изрядно перед выступлением. Прав подполковник Николаев: «Ждать тоже не просто». Костя дважды опускал широченную ладонь на мое колено: молча успокаивал. Теперь бы у меня наверняка получился рисунок «Солдат перед атакой». Я знаю, как ждут люди сигнала. Испытал, кажется, родственные чувства.

Вышел на трибуну, и волнение сразу улеглось. Заметил приветливую, ободряющую улыбку Кости. Улыбнулся в ответ: принят, мол, позывной... На меня смотрел зал. И издалека будто смотрели мои товарищи по училищу. Все ждали моего слова. Я начал не так, как задумал. Почему-то вырвались «внеплановые» слова:

— Сколько нас в зале, отличников... А ведь мы только представители. Если бы всех собрать!.. Невозможно представить, какая поднимется армия. Не вместят самые крупные залы в Москве. Хорошо, что нас много. Кто-то из великих людей сказал:

«О поколении судят по лучшим». О нашей армии тоже судят по отличникам. Она — лицо армии. Возможно, я говорю приподнято, громко, но уверен — правильно.

Зал отозвался аплодисментами. Значит, курс держу верный. Пока я на светлой стороне. Сделал заход в тень, вернее в светотень:

— Отличниками не рождаются. Они растут. Я уверен, наши ряды умножатся, если нам не будут связывать руки и ноги, откроют пошире дорогу для взлета...

— А что, не открывают? — услышал я голос из президиума. Оглянулся: генерал-полковник авиации. Вот и начали прямой разговор!

Я рассказал об обстановке в нашем училище. Генерал возмущенно покачал головой, что-то записал в блокнот, потом, когда я закончил свое выступление, он отозвался:

— Спасибо, товарищ Леонов, за правду.

Простое слово — «спасибо». А я до сих пор вспоминаю о нем, как о награде. И до сих пор высоко ценю это «спасибо».

В училище возвращался как на крыльях. Думал: обрадую ребят. Ведь я сам видел: генерал-полковник что-то записал в блокнот. И меня поощрил добрым словом. Наверняка

отменяют запрет... Все это я хотел сказать товарищам. А они сами встретили меня радостной вестью:

— Лешка, мы летаем.

— Давно?

— Три дня. Говорят, сам командующий распорядился... После твоего выступления.

Они все знали. Никто мне не сказал благодарственных слов. Все обычно, в порядке вещей. Только я видел — смотрели на меня с какой-то особой теплотой, как смотрят на близких людей. А подполковник Николаев крепко пожал руку. Ничего тоже не сказал. К чему лишние слова?

— Завтра полетим вместе? — спросил он, прощаясь.

— Теперь полетим, — ответил я.

И начали мы летать... С утра до ночи. Почти без пауз, без перекуров. Наверстывали упущенное. При таких перегрузках можно измотаться вконец. А мы хоть бы что — летали с задором, с хорошим настроением. Все ликовали: наконец-то дорвались до настоящих полетов. Я же говорил: нормальное состояние человека — когда он летает.

В один из таких горячих дней меня принимали в кандидаты партии. Хорошо помню, как я волновался: примут ли? Ну что я

хорошего сделал в жизни? И жизнь-то у меня пока маленькая, ничем не примечательная. Были, понятно, и взлеты. Сначала незаметные, потом повыше... Поднимался над своими слабостями, стремился, чтобы у меня была сила... В общем, мужал, как и все курсанты. А свершить ничего не успел.

На собрании не спросили мою автобиографию. Ничего не спросили. Сказали только: — Леонова знаем. Достоин.

С того дня я стал коммунистом.

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

Рассказ врача

В памяти остались аэродром на окраине степного города, свист и гул взлетающих самолетов, строгая, почти спартанская обстановка кабинета командира полка... Командир положил перед нами список с фамилиями летчиков. Это — кандидаты в космонавты, отобранные в полку. Кандидаты первого тура. Кто они? Мельком взглянул на список. Пока это — темный лес. Восемь фамилий, и только. Командир полка, конечно, видел за ними живых людей.

— Отобрали самых достойных? — спросил я.

— Один другого лучше, — ответил командир.

«Не приукрашивает ли?» — подумал я. — Нет, в глазах командира промелькнула грустинка. Видимо, подумал: «Такие ребята уйдут, жалко».

Я, как руководитель группы, придвинул к себе список. Начнем знакомство с людьми. Первой в списке значилась фамилия лейтенанта А. А. Леонова. Интересно, по алфавиту первый или на него больше надеялись?

Спросил об этом командира.

— Мне трудно судить, — уклончиво отозвался он. — Судите сами. Могу пригласить Леонова... хотя он сейчас на полетах.

— Вначале расскажите о нем.

— Хороший летчик. Находчивый, в коллективе его уважают. Жизнерадостный, откровенный. Любит спорт. Коммунист, — командир, видимо, повторил характеристику, которую он писал о Леонове, и ни слова не добавил больше. Он был предельно краток и, судя по всему, точен.

— Вчера у него случился трудный полет, — подумав, вспомнил командир. — Один такой полет равен десяти. Низкие облака.

Перехватил цель и возвращался на аэродром, отказал радиокompас. Перед посадкой на самолете не выпускалось шасси. А горючее кончалось. Раздумывать долго некогда. Леонов открыл кран аварийного выпуска. Для молодого летчика это похвально. Что еще? — неожиданно разговорился командир. — Да, увлекается живописью.

Я переспросил:

— Живописью?

— Рисует. И довольно неплохо, — подтвердил командир.

Признаться, у меня была тайная мечта — найти среди будущих кандидатов в космонавты художников и музыкантов. Они для коллектива, да еще такого необычного (космической группы), очень полезные люди. Как дрожжи для теста. Думал, нелегко найти, придется искать днем с огнем. А тут первый кандидат — и художник. Даже не верилось: неужели мне улыбнулась судьба?

— Можно посмотреть его рисунки?

— Сейчас. Пожалуйста, — командир охотно встал из-за стола.

Мы пришли в офицерское общежитие. В нем, как водится, жили холостяки. Командир уверенно толкнул одну из дверей. Нас никто не встретил: хозяев не было дома.

— Они на аэродроме, — предупредил командир.

Я огляделся: уютная комната. Порядок, комфорт: койки аккуратно заправлены, на полу — коврики, на столе — красивая скатерть, на тумбочке — большой радиоприемник. У входа плакат-предупреждение: «Гости, уважайте себя и хозяев». Не знаю, как к себе, а к хозяевам я проникся уважением. Молодцы холостяки: такое не всегда увидишь и в семейном доме.

Где же рисунки Леонова? На всех четырех стенах комнаты. Мы будто оказались в мастерской художника. Мой взгляд остановился на незаконченной картине, стоявшей в подрамнике. Левая часть полностью выписана, правый угол — пустой, только намечена схема. Это копия с известной картины Перова «Птицеловы». Я сам увлекаюсь живописью, пишу картины, конечно, для своей квартиры. Большого художника из меня не вышло. А чужую работу могу оценить довольно точно. Достаточно раз посмотреть на картину, чтобы понять, какой передо мной художник, на что он способен. Вот только копировщики меня смущают: все-таки они не творцы...

— Это картина приятеля Леонова. Вместе

живут два художника. А картины и рисунки Алексея Архиповича — на стенах и в альбомах, — объяснил командир полка.

То, что я увидел перед собой, можно назвать кратко: «Выставка картин и рисунков художника А. А. Леонова». Художник очень плодовитый. Его произведения заполнили почти все стены комнаты. Часть рисунков осталась в альбомах. Видимо, немало свободного времени летчик отдавал своей страсти. Всерьез увлечен живописью. Леонов хорошо чувствует цвет. Некоторые рисунки, наброски просто очень хороши. Рисует он не только красками, а и карандашом, углем. На картоне и бумаге — шумящее море, корабли, пересекающие волну, взлетные полосы, истребители, уходящие в небо, пейзажи близкой сердцу русской природы... Пишет что-то свое, довольно любопытное. Человек с фантазией, с поиском. Я люблю таких.

Надо ли говорить, как меня заинтересовал лейтенант Леонов. Захотелось поскорее встретиться с ним. Он пришел к концу рабочего дня. Успел переодеться, привести себя в порядок — аккуратный человек. Это я сразу подметил. Молодцевато щелкнул каблуками, громко, четко доложил. Взгляд бодрый, любопытный. От всей его ладной фигуры

веяло здоровьем, силой. Сразу располагал к себе этот блондин-крепыш. А может, его картины и рисунки навеяли на меня восторженность? «Разберемся строго, объективно»,— сказал сам себе.

— Как полетали сегодня? — спросил Леонова, когда он сел напротив меня.

— Вроде ничего,— ответил он сдержанно и тут же добавил: — Повторение пройденного.

— А необычные полеты бывают?

— Как на них смотреть... Каждый полет по-своему необычен. Для меня лично,— уточнил он.

— Почему для вас?

— Я — молодой летчик. Мне все интересно.

— Любите летать?

— Очень,— словно выдохнул он.

Этим «очень» он заставил забыть меня о желании быть строго объективным. Невозможно с Леоновым разговаривать на расстоянии. Он весь перед тобой, с живой и открытой душой. И к нему не подойдешь с обычной меркой, которая определилась у нас для знакомства с будущими кандидатами в космонавты. Как необычен каждый полет, так необычен и каждый человек.

Да, все-таки очень важны первое впечатление, первый настрой, которые остаются от встречи с человеком. Мы, врачи, придаем этому особое значение. Я вовсе не хочу сказать, что оно всегда точно. Человек, как известно, сложен, многогранен, иногда, и верно, пуд соли вместе с ним съешь, пока его узнаешь. И все-таки, повторяю, много значит первое впечатление. Иногда оно помогает открыть в человеке нечто необычное.

А в человеке всегда есть чудо. Ну разве это так уж обычно — мальчишка из простой рабочей семьи, в которой никто и не помышлял о рисовании, начинает рисовать? Его товарищи играют, шалют, слушают сказки, а вот он сидит и рисует. Рисует то, что видит, — листья, травы, деревья, дома... Отец чувствует — сыну это нравится, может быть, это будет его судьбой, и он, урывая деньги от вещей, необходимых для большой семьи, покупает ему тетрадки, цветные карандаши. Сын деловит — пыхтя, изрисовывает их за два-три дня... опять дома, деревья, человечки... В первом классе учительница восклицает: «Смотрите, Леша красиво рисует!» Бежит к директору, чтобы показать рисунки малыша. Отец уже покупает сыну краски с кисточкой.

Леша рисует хаты в снегу, санные дороги.

Все настоящее, как в жизни. Его многочисленные картины берут соседи — не жалко, напишет хоть сотню. Учитель рисования объясняет ему, что такое свет, тени, объем. Рисунки уже не такие плоские. Они становятся все более живыми, объемными. Его зовут Лешкой-художником. Он оформляет все школьные стенгазеты.

А потом школа ВВС, авиационное училище. Любовь к воздушной стихии. Но не забыто и рисование. Две у него сильные, на всю жизнь, страсти. Третья — спорт. Он любит велосипед, борьбу.

Обо всем этом рассказывал как-то буднично Леша Леонов.

Для него это обычное — это его жизнь, а я, как замороженный, слушал его и забыл о главном, о цели нашей встречи. Очнувшись, я спросил:

— Желаете осваивать новую технику?

Он посмотрел на меня удивленно: при чем тут, мол, техника? Только что говорили о живописи. Но внимательно посмотрев на меня, видимо, вспомнил, что его вызывали не для разговора о рисунках и картинах. Перед ним сидел врач, представитель из Москвы. Вроде как я повернул его лицом к будущему.

— Да, желаю, — ответил он. — Это по моему характеру.

И я поверил — желает. Это действительно по его характеру. А он уже загорелся новым — по лицу вижу. Хочет что-то спросить, не решается. Я пошел навстречу:

— Высоко придется летать. Может, и в космос.

— В космос? — Он весь зарделся.

— Вполне возможно, — подтвердил я. — Ну, так как, записать вас?

— Обязательно! — почти выкрикнул он.

Часа через два Леонов снова заглянул ко мне. Неловко помявшись, он заговорил так, словно в чем-то провинился:

— Знаете, я люблю одну девушку и хотел бы на ней жениться... Не помешает ли это будущему делу?

— Ничуть не помешает, — успокоил я летчика и добавил: — Настоящая любовь только поможет вам и на земле и в космосе.

— Спасибо.

Он ушел довольный, а я долго ходил по кабинету. На душе было как-то тепло. Так бывает, когда в жизни встретишь хорошего человека. «Находка», — подумал я. Фамилию Леонова в списке я подчеркнул красным карандашом. Действительно, первый кандидат.

Месяца через два всех отобранных в первом туре кандидатов в космонавты мы вызвали в Москву. Из полка, где служил Леонов, пришла телеграмма: «Переведен в другую часть. На повышение». Я удивился: «Зачем перевели? Ведь говорил командиру: скоро его вызовем. Он обещал не трогать Леонова. Видимо, вмешался кто-то свыше». Послали запрос в ту часть, где он сейчас служил. Ответная телеграмма: «Погиб при выполнении задания». Меня как громом пришибло. Погиб?! Такой парень погиб! Я страшно расстроился, будто потерял родного сына...

Однажды открылась дверь моего кабинета и с улыбкой вошел блондин-крепыш. Я смотрел на него и глазам своим не верил: Леонов? Ахнул, бросился к нему:

— Жив?

— Как видите, жив,— ответил он, немного помрачнев.— Погиб мой однофамилец и приятель. Думали, что и я погиб. Отделался испугом и ушибами. Так что я буду долго жить. И за двоих.

— А как ваше здоровье?

— Сейчас ничего.

У Алексея Леонова на редкость общительный характер. На другой день я увидел

его в компании летчиков — разговаривали они так, будто знали друг друга много лет. Шутили, смеялись. Скоро он уже ходил в обнимку с Юрием Гагариным и Павлом Поповичем. Потом они сообща давали концерт в палате. Леонов отплясывал русского. Задорно плясал. Как и все, что он делает в жизни.

В госпитале, куда для проверки поселили будущих кандидатов в космонавты, веселье сменялось унынием. Немало было таких, у кого находили «царапину» в организме. Неудачники горестно прощались с товарищами и уезжали домой. Прощай, мечта о космических полетах! Жалко было ребят.

Как-то в такой невеселый день я услышал в коридоре раскатистый смех. Он накатывался волнами, как прибой в море. Такого смеха, пожалуй, еще не бывало в госпитале. Что стряслось? Выскочил из кабинета. В конце коридора собралась огромная толпа. Все почему-то смотрели на стену. Что они там увидели? Продрался через толпу, и — крупные буквы: «Шприц». Ясно: вышла стенная газета. И выпустил ее Алексей Леонов. Я видел: он ходил по палатам, все чего-то записывал. Думал, от нечего делать просто рисует. А он, оказывается, вот что...

В юмористической газете «Шприц» не было заметок — одни карикатуры, дружеские шаржи, а под ними остроумные подписи. Как будто вся жизнь в госпитале уместилась на листе бумаги. И сколько выдумки, неистощимого юмора! До того все выглядело смешно, что все хваталось за животы. И потом долго не могли успокоиться. Вспомнят ребята одну, другую карикатуру — и опять смех, шутки. Хорошую разрядку внесла стенгазета «Шприц» в беспокойную жизнь госпиталя.

— Я что хотел? — говорил мне Леонов. — Чтобы ребята подбодрились. А раз смеются, значит, не напрасно старался.

Подумал: «Я тоже не напрасно старался. Такой интересный парень будет в коллективе».

Вскоре чуть не рухнули мои радужные надежды. Леонов «не потянул» на центрифуге. Пришел оттуда бледный, расстроенный. Ни на кого не взглянув, лег на кровать, закрылся подушкой.

— Что делать... придется отчислять, — мрачно проговорил председатель комиссии. Ему тоже понравился Леонов. Но личные симпатии — в сторону. Условия приема — выше всего...

— Разве не видите, какой это золотой па-

рень?— все же доказывал я.— И здоровый, сильный. А центрифуга — это еще не показатель. Натренируем — потянет. Это в наших силах.

— Не могу пропустить, — отрезал председатель.

Я пошел к Леонову. Чем-то надо помочь парню. И попутно выяснить: что с ним случилось на центрифуге? Он по-прежнему лежал на кровати.

— Все из-за простуды, — проговорил он.— Позавчера играли в снежки, разгорячились, потом боролись на снегу. Ну, вот и схватил простуду.

— Что же молчали?

— Думал, не скажется.— Поднял на меня глаза.— Я слышал, вы хлопотали за меня. Прошу вас: не надо... Не надо мне снисхождения. Всю жизнь буду мучиться: кто-то меня тащил за руки. Вроде протащил в космонавты. Ребята слышали ваш разговор с председателем. Уже смотрят на меня косо: мол, спасают Леонова. Я сам хочу честно пройти через комиссию... Это случайный срыв. Пусть только снова покрутят меня на центрифуге. Я выдержу... Поверьте мне.

Товарищи по палате, молча слушавшие наш разговор, вдруг разом заговорили:

— Допустите, доктор. Он наверняка выдержит. Вот только вначале ликвидирует простуду...

Я опять к председателю комиссии. Рассказал о нашей беседе в палате. Повеселел председатель: видно, тоже «болел» за Леонова. Нелегко ему было сказать: «Придется отчислять». Теперь появилась надежда.

— Разрешим, конечно, разрешим, — сказал он уверенно. — Вот только поправится...

Леонов поправлялся. А товарищи, кто успешно прошел центрифугу, консультировали:

— Ты, Леша, на этой «чертовой мельнице» держись спокойно. Ни о чем постороннем не думай. Думай лишь о том, что самые большие перегрузки впереди. И сам не заметишь их. Дыши не ртом, а животом. Вот смотри, как надо дышать.

Все были учителями, что-то советовали, подсказывали. А ведь недавно смотрели на него косо... Своим поведением Леонов заставил товарищей по-другому взглянуть на себя. Все увидели: он идет к своей цели. Честно идет, как настоящий человек. И тогда все поспешили к нему на помощь.

Коротко закончу свой рассказ: Алексей

Леонов выдержал испытание на центрифуге. Он прошел комиссию и стал летчиком-космонавтом.

НА ПОЛПУТИ К КОСМОСУ

Из записных книжек журналистов

Вот как надо прыгать!

Сейчас многие не верят: неужели и Алексей без охоты ехал на парашютные прыжки? Неужели и у него, как у других, три упоминания об этих прыжках лицо кривилось, словно от зубной боли? Помнится, Валерий Бьковский прямо говорил:

— Зачем мне эти прыжки? Я прыгал и еще раз прыгну, если потребуется... Подумаешь, какое дело.

А Алексей... Тот молчал, изредка улыбался. Все думали: ему нравится прыгать. И он спокойно прыгал, с улыбкой подходил к люку самолета, шагал за борт. Инструктор Николай Константинович, заслуженный мастер спорта, повидавший за свою жизнь немало прекрасных парашютистов, не смог удержаться от похвалы:

— Молодец, Леха,—и повертывался к другим космонавтам:— Вот как надо прыгать!

Как-то потом, год или больше спустя по-

сле первых прыжков, когда Алексей Леонов стал уже инструктором-парашютистом, в юмористической стенгазете космонавтов «Нептун» появились дружеские шаржи на «прыгунов». Художник не забыл и себя. В самом смешном и нелепом виде он был изображен на карикатуре. Руки и ноги беспомощно болтаются в пустоте, на лице недоумение, даже испуг. Точно клоун в цирке. К Алексею подошел Юрий Гагарин. На этот раз на его лице не было улыбки.

— Ну, что ты придумал?— с неудовольствием сказал он художнику.— Это же неправда...

— Чистейшая правда, — возразил Алексей.— Первый блин был комом. Инструктор меня ругал.

— Ругал?— удивился Юрий.— Что-то я не помню.

— Еще как ругал, — подтвердил Алексей.— Отвел в сторонку и говорит: «Шляпа ты... Мазила, растеряха». Как только не крестил! Я совсем растерялся. А он как бы между прочим бросает: «Мне бы твои годы. Я бы еще не раз был рекорсменом». Окрылил меня Николай Константинович. И второй раз я уверенно прыгнул. С того дня и началась моя парашютная «карьеря».

Николай Константинович назначил Алексея Леонова своим внештатным помощником. Когда надо было «подтянуть» Павла Ивановича, который четыре месяца не прыгал, инструктор взял с собой на аэродром Алексея. Они вместе прыгали.

День рождения.

Павел Попович мне рассказывал:

— Домой я вернулся поздно. Дочь Наташа уже была в постели. Услышав мой голос, она захлопала в ладоши и затараторила:

— Папочка, скорей ко мне...

Я нарочито строго проговорил:

— Спать, дочь, пора.

— Расскажи сказочку, и я хорошо усну.

Я присел на стул у кровати дочери, погладил ее светлые кудри. О чем же рассказать? Десятки сказочек выдумал, иссякла фантазия.

— Папочка, расскажи о вчерашнем дне рождения, — попросила Наташа.

— Так это не сказка. Это правда.

— Все равно расскажи... Сказочку.

Вот задачка: правду надо превратить в сказку. Трудновато. Я и стал рассказывать о том, что с ходу пришло в голову:

— Узнал Меркурий о моем дне рождения...

— Папочка, а этот Меркурий живет в космосе? Он добрый?

Я утвердительно кивнул головой.

— Узнал он о дне рождения и, конечно, поспешил ко мне в гости...

— На корабле?

Я снова кивнул головой: пусть будет и корабль, раз так хочется дочери. Сказка есть сказка. Уже более уверенно я продолжал:

— Спустился на землю, проиграл в трубу и громко спросил: «Где ты, сын мой?»

— Ой, как хорошо!

— Я подошел к нему на руках.

— Почему на руках?

— Сам преподаватель спорта, виноват, Меркурий, ввел такой обычай: в день рождения надо вставать на руки. Достал он часы и отсчитал до тридцати двух. Тридцать два, значит, мне года. А потом преподнес подарки: большой торт, шкатулку... ты их видела?

— Видела. А торт очень вкусный. Я съела три куска.

— Ну, а когда я приехал на работу, смотрю, висит на стене большая красивая телеграмма. Печать на ней космическая и подпись самого Нептуна. А на телеграмме крупно написано: «Павлу. Вручить срочно. Нептун от всей души поздравляет тебя, сын Земли,

с днем рождения и желает прожить много-много лет, чтобы ты успел слетать ко мне в гости». Я не ожидал этой телеграммы — накануне наш Нептун повредил правую руку и совсем не мог писать.

— А как он, папочка, повредил руку?

— На спортивных занятиях. Неудачно упал со снаряда. Как он написал эту телеграмму, понять не могу. Вот что значит, Наташенька, дружба.

— Папа, я знаю Нептуна. Это — дядя Леша.

Наташа долго молчала. Засыпая, сказала:

— Спасибо, сказочка мне очень понравилась. Передай Меркурию и Нептуну: скоро и у меня будет день рождения.

По адресу.

Алексей мчится на велосипеде. Издали алеет майка. Одной рукой держится за руль, управляет машиной, а другой прижимает к груди киноаппарат. Поравнявшись с нами, лихо соскакивает на землю:

— Куда?

— В лес. Сниму заход солнца. Ни разу не снимал.

— Твой? — показываем на новенький киноаппарат.

— Герман подарил, — отвечает он.

— Герман?— удивляемся мы.—Вы, кажется, не поладили с ним...

— Было. И все-таки принес мне киноаппарат. Я сказал: «Ты ошибся адресом, Герман. Не мне надо дарить. Я тебя слишком много ругал. И довольно крепко. Ты обиделся. Даже не разговаривал со мной. Да и я, признаюсь, подумал о тебе нехорошо... Вот, думал, какой человек — не терпит критики. Многих я критиковал. И мне доставалось. Ничего, терпели. А ты, выходит, у нас особенный. По-всякому тебя ругал. Как видишь, я не заслужил подарка». — «Ничего, Леша. Я вовсе на тебя не обижаюсь, — ответил Герман. — За принципиальность спасибо. Дарю тебе киноаппарат, потому что ты художник. Снимешь такое, что мы не сможем. Тебе он больше всего пригодится». Мы пожали друг другу руки. Мир и дружба.

— Сегодня обновишь?

— Уже полмесяца обновляю. Скоро покажу вам фильм...

— О чем?

— Обо всем. Тут и лесные путешествия, и тренировки космонавтов... В общем, проба киноаппарата. Есть кое-какие замыслы. Пока не скажу. Сниму — увидите. Договорились?

Алексей вскакивает на велосипед, машет

на ходу рукой и мчится к виднеющемуся вдали лесу.

Юбилей.

— Я с детства выпускаю стенгазеты, — сказал Алексей. — За братом Петром пошел. Он делал школьную стенную газету «За учебу». Я сменил брата, как бы принял от него эстафету. Четыре года редактировал «За учебу». Теперь ее выпускает племян. Выпускал я стенгазеты и в училище, и в полку... А здесь, как знаете, «Нептун». Скоро юбилей отмечу: двадцать лет за рулем стенгазет... Как отмечу? Нарисую на себя карикатуру: самодовольного редактора «Нептун» поддевает трезубцем. Подходит?

Земные перегрузки.

— Тяжелы ли перегрузки? — Алексей развел руками. — Смотря какие. На центрифуге — терпимые. А вот земные иногда трудноваты. Как-то я с утра и до вечера пробыл на тренировках. Работал всю — наши врачи, инженеры загружают до предела... Как в настоящем полете. Вечером вспомнил: «Завтра экзамены в академии». Сидел за столом до полуночи. А потом еще утренние часы вместе с ребятами: решали трудные задачки. Поехали сдавать экзамен. Доцент посмотрел на меня недоверчиво:

— Что-то у вас, Леонов, не больно видок... Устали?

— Засиделся в автобусе.

— Могу и завтра принять. Отдохните.

— Я останусь.

Экзамен все-таки сдал на четверку. Не подкачал. У нас троек не бывает. Нам нельзя учиться на тройки. Сами понимаете, космонавты. Вышли в коридор. Кто-то спросил:

— Интересно, какие мы выдержали перегрузки?

Выяснилось: почти все ребята после тренировки работали ночью, готовились к экзаменам. Всем досталось. Решили: выдержали перегрузки раза в полтора большие, чем на центрифуге. Вот такая история.

Привезу рисунки.

Незадолго до старта Алексей Леонов показал нам свою картину. На ней запечатлен момент посадки космического корабля на Луну. Он нарисовал его так, как представляется это ему.

Он спросил:

— А знаете, как родилась ее идея?

Алексей рассказал об одном разговоре с очень интересным человеком, а потом показал альбом, выпущенный Академией наук. На первой странице, под заголовком «Первые

фотографии обратной стороны Луны» размашистым почерком было написано:

«Алексею Архиповичу Леонову — в день рождения: желаю лично обойти все новые места, упомянутые в этой книжке».

Далее стояла дата и подпись. Леша пояснил:

— Это подарок Главного конструктора. А это подарок Григория Николаевича Постникова, — сказал Алексей, показав на известную скульптуру «В космос».

С большого изображения снята маленькая копия. Но от этого она не стала менее выразительной.

— Когда я смотрю на нее, у меня возникает необычное ощущение: будто я поднимаюсь на вершину горы. И стою там, смотрю на новые дали. Вот что значит настоящее искусство. Оно возвышает человека.

— А сам не мечтаешь создать что-то?..

— Большое? — перебивает Алексей. — Не всем дано. Мечтаю привезти из полета серию рисунков «В космосе». Не знаю, что выйдет. Но все-таки привезу... Столько увижу нового, необычного!

Друзья.

— Прочитал я одну книжку, — рассказывал Алексей. — На все лады там рас-

хваливается дружба двух парней. Какие они молодцы — с полуслова понимают друг друга. Закрыв книгу и подумал: не туда автор смотрит. Не в сегодняшний день. Сегодня надо показать дружбу коллектива. Такого, как, скажем, наш. У нас тоже вначале дружили парами: Андриян с Валерой, Владимир Михайлович с Павлом Ивановичем, я с Юрой Гагариным... Потом распались пары. Всей группой дружим. Один у нас коллектив. По-моему, это новая ступень сознания. Как мы дружим? Внешне это незаметно. А если что случилось, мы рядом, сплоченной группой. Нас не растащишь. Вместе что-то пробируем, добиваемся, вместе кому-то помогаем. Все вместе. Невидимая у нас спайка. Но она сказывается в любом деле.

Кто у меня друг? Все друзья. И Юрий, и Герман, и Андриян, и Валерий... С Юрием, правда, у нас особые отношения. Он часто со мной советуется. Я прямо говорю: «Здесь ты ошибся, а здесь прав». Знаю, он не обижается на прямоту. «На тебя, Лешка,— говорит,— нельзя обижаться. Ты очень правдивый». Не знаю, насколько правдив, но и кривить душой не приучен... Ну, ладно, это из другой оперы. Я тоже советуюсь. Все мы — друзья.

Когда он дома.

Алексей разложил на столе свои рисунки. Необычные рисунки — они сделаны в сурдокамере. Фантастические корабли. Зимние пейзажи — в основном избушки, чуть ли не занесенные снегом... Соседство земного и космического мира. Космический меня не удивляет — человек мечтает о необычных полетах. А вот земное почему-то не в зелени, а в снегу. Алексей улыбается:

— Все просто. Жарковато было в сурдокамере. Мечтал прохладиться. Вот и рисовал снежные заносы... Рядом с жильем. Точно в такой избушке жили мои родители в Сибири. Меня тогда еще не было на свете. По их рассказам представил.

— Из сурдокамеры заглянул в Сибирь? — уточняем мы.

— Время от времени заглядываю, — отвечает Алексей. — Видно, чем-то накрепко притягивает земля отцов... Не оторвешься. И нужно ли отрываться? Совсем недавно я был в тех краях. Правда, не зимой, а летом.

— И что же?

— Еще больше туда потянуло. Выберу время, снова поеду. Чудесные места. Возьму с собой кисть, мольберт.

Мечтания Алексея прерывает музыка. Ви-

димо, жена Света включила на кухне динамик. К нам в комнату несется мелодия известной песенки «Тишина». В глазах Алексея я вижу тревогу. Он вскакивает, просит жену выключить радио.

— Не могу слушать эту песенку,— объясняет он.

— Не нравится?

— Невзлюбил ее после сурдокамеры,— отвечает он. — Там как-то ее вдруг включили. Видно, для того, чтобы подбодрить меня. На полный голос рявкнул динамик. Я вздрогнул. Не сразу унял дрожь. С тех пор вздрагиваю, когда слышу эту песенку. Напоминает одиночество.

Из соседней комнаты, держась за косяк, выплывает годовалая Виктория — дочь Леонова. Алексей весь расцветает. В глазах у него торжество:

— Видите, Вика уже ходит. Иди, дочка, ко мне.— Он берет на руки Викторию, рассказывает:— Сначала говорила одно слово: «Папа». Света обижалась: «Почему не «мама»? Я приучил говорить «мама». Теперь забыла слово «папа»... Пока был в командировке. Непоследовательная у меня дочь. Готов с ней возиться днями. Жалко, нет этих дней. Я очень люблю детишек. Когда учился в сред-

ней школе, два лета подряд работал воспитателем в пионерлагере. Светлое время. Если бы не попал в летчики, а потом в космонавты, остался бы детским воспитателем. Вика еще не знает, как ей повезло. В лице отца имеет опытного воспитателя,— шутливо заканчивает Алексей.

— Разбалует дочь,— откликается с кухни жена.— Без конца — гостинцы. Куда это годится?

— Наговор, — улыбается Алексей. — Это она от обиды. Сегодня чуть не поссорились. По идейным соображениям. Какой-то американский боевичок показывают в нашем кинотеатре. Говорит: «Пойдем, посмотрим». Я отказался. Нет времени всякую чепуху смотреть. Завтра у нас пойдут «Живые и мертвые». А Света не хочет смотреть, говорит, про войну, тяжело. Может, и тяжело... Но это же настоящее, это жизнь.

— Ладно, завтра пойдем, — соглашается Света.— Мучитель.

Я давно слышал: Алексей и Светлана — дружная, веселая пара. Хотя и любят «подковырнуть» друг друга.

«Передай привет».

В квартире у Алексея можно часто встретить гостей — то близких родственников

(у него два брата, пять сестер, в полном здравии отец и мать), то друзей детства, то училищных и полковых командиров, приятелей... В кабинете, где он готовился к занятиям, выпускал очередной «Нептун», размещались раскладушки. Как-то спросили Алексея:

— Не устаешь от гостей?

— Наоборот. Всей душой отдыхаю. Я люблю, когда у нас гости... Интересно.

Алексей никогда не кривит душой: что думает, то и говорит. Да и по лицу понятно: ему действительно интересно, когда приезжают гости... Широкая, гостеприимная у него натура. Шум, суета, которую вносят гости в привычную, устоявшуюся жизнь,— все это по нраву живому, общительному хозяину квартиры.

Однажды Алексей показал яблоневые, вишневые веточки, которые привез отец.

— У меня удивительный старикан,— восторженно проговорил он.— Всю жизнь чем-то увлекается. В молодости разводил жеребят, поросят... Высшей породы. Это в суровой-то Сибири! Семья жила очень трудно. И он сдавал животин в госхозы. Мать чуть не плакала: «Для детей бы оставил...» — «Не могу,— отвечал он,— племенные животные». Почти нигде не учился, а работал электриком,

прорабом, самостоятельно освоил физику, электротехнику. Книг перечитал уйму. Теперь, уже на пенсии, увлекается садоводством. Выкапывает яблоньки у разбитых домов в Калининграде, пересаживает в свой садик. Первые яблони отдал детским яслям. Ну, скажите, разве не удивительный человек?

Алексей вспоминает другого гостя — мужа старшей сестры. Это тоже удивительный человек. Ему повезло в жизни — встретил так много хороших людей. Когда Леше было всего год или два (он точно не помнит), большая семья Леоновых переехала в Кемерово. Жить негде. Муж сестры, молодой, добрый парень, приютил всех в своей комнате. Жили в страшной тесноте, но не в обиде. Потом получили квартиру. Но о доброте Володи — так зовут этого человека — и сейчас еще с теплотой говорят Леоновы. Алексей отзывается так:

— По-моему, он совершил подвиг. Обыденный подвиг. У самого почти ничего не было, а нас позвал... Какая душа у человека! Он навсегда остался для меня примером.

Не пример ли этого Володи перед глазами у Алексея, когда он принимает гостей? Да, все чудесное, благородное в жизни не проходит бесследно. Встречи не только с родственниками, но и со многими интересными людьми

ми доставляют Алексею радость, обогащают его чем-то новым, светлым. «На вечерок» к нему заехал Толя Гальперин и задержался на три дня. Друзья детства никак не могли наговориться. Когда-то Толя немного обижался на Лешу: вместе мечтали о морских странствиях, и вдруг приятель «изменил» — подался в небо. Толя плавает на морских судах. Морская жизнь — это тоже очень интересно.

— А у тебя, Леша?

— Я тоже нашел себя... У меня тоже своя стихия, свой простор. Все небо в моей власти. Летать — это прекрасно, Толя.

— Понимаю,— кивнул головой приятель и заговорщически подмигнул.— Между прочим, видел тебя в кино... На космодроме ты был. Киношники тебя подвели. Знаешь, как я обрадовался? Подумал: наш Лешка, выходит, полетит в космос. Полетишь ведь?

— Возможно,— уклончиво ответил Алексей.— Теперь мы все летаем... Каждый по своей орбите. У всех выросли крылья.

— У каждого своя судьба,— подхватил Анатолий.— И нам не стыдно за тебя. Радует меня и другое: хотя и смотришь высоко, в космос, но не расстаешься со старой земной привязанностью: по-прежнему рисуешь... Вот сколько в квартире твоих картин. И стоят

еще не законченные... Наверное, оформляешь и стенгазеты?

— Выпустил тридцать номеров «Нептун»,— ответил Алексей.

— Нептун — бог морей и путешественников. Значит, он поселился и у космонавтов?

— Живет с нами старик... Не скучает...

Когда гость собрался уезжать, Алексей попросил:

— Передай большой привет нашему Калининграду.

— Сам передашь.

— Не знаю, когда поеду домой... Дела не пускают.

— Полетишь и передашь из космоса. Не беспокойся, услышат земляки... И мы, друзья, услышим. Космос теперь не так уж далек.

— Передам,— обещал Алексей.

РАЗГОВОР С ЦИОЛКОВСКИМ

В ту ночь Алексею не спалось. Таковы уж они, предстартовые ночи. Днем занят обследованиями и последними приготовлениями, времени — в обрез, даже подумать толком порой некогда. Дела...

Тихо бьют часы в соседней комнате. Он хотел посчитать удары, но сбился. Осторож-

но ступая, чтобы не разбудить жену и дочь, вышел в коридор, постоял немного. Спать не хотелось.

Подумал: «Позвонить Павлу Ивановичу? Поздновато. Начнет ворчать: «Полуношник». А может, и он не спит?»

Алексей подошел к окну. Дом, что напротив, смотрел слепыми глазами потухших окон. Спят. Над крышей повис одинокий серп луны. Белая простыня снега покрывала землю. И — тишина.

Он зажег настольную лампу и сел читать. Сколько раз заглядывал в эту книгу в последние дни! Казалось, наизусть выучил отдельные абзацы. Великие и скромные подвижники науки, их гениальные прозрения и поражающие своей точностью расчеты, грандиозные замыслы и удивительные эксперименты, счастливые случайности и реальные, целеустремленные свершения... Все это было на пути познания человеком космоса.

«Патриарх межпланетных сообщений... — Алексей про себя произнес эту фразу и хлопнул книгу. — Простой калужский учитель Константин Циолковский! Русское имя! Россию ты навек прославил, Константин Эдуардович. Эх, да что тут...»

Алексей снова открыл книгу и стал пере-

читывать подчеркнутые места. Ему хотелось еще и еще раз проследить постепенное становление дерзкой мечты и фантазии, крылья которой крепили десятки лет назад.

Год 1896-й... Год 1965-й... Две даты, между которыми пролегли многие годы. Первый относится к периоду, когда «мечтатель из Калуги» вывел первые строки своей научно-фантастической повести «Вне Земли». Вторая — это наше сегодня. Сегодня — его, Алексея, и Паши тоже. Ведь скоро, очень скоро они...

Алексей продолжал читать:

«— Я объясню их устройство,— сказал Иванов, показывая спутникам одежды и снаряды, которые они с любопытством рассматривали...

— Со временем,— сказал Иванов,— придется еще спускаться на планеты, в негодные для дыхания атмосферы,— негодные или вследствие особого состава их, или вследствие чрезмерной их разряженности. Чтобы жить в пустоте, в разряженном или негодном газе, нужна одна и та же специальная одежда. Вы ее видите. Она облекает все тело с головой, непроницаема для газов и паров, гибка, не массивна, не затрудняет движений тела; она крепка настолько, чтобы выдержать внутреннее давление газов, окружающих те-

ло,— и снабжена в головной части особыми плоскими, отчасти прозрачными для света пластинками, чтобы видеть. Она имеет проницаемую для газов и паров согревающую толстую прокладку, содержит резервуары для сохранения мочи и пр. Она соединяется с особой коробкой, которая выделяет под одежду непрерывно кислород в достаточном количестве. Углекислый газ, пары воды и другие продукты выделения тела поглощаются в других коробках. Газы и пары непрерывно циркулируют под одеждой в проницаемой прокладке посредством особых самодействующих насосов. В день нужно не более килограмма кислорода на человека. Всех запасов хватит на восемь часов, и вместе с одеждой они имеют массу не более 10 килограммов. Но, впрочем, тут ничто не имеет веса. Скафандр, как видите, даже не обезображивает человека».

Нет, это не наивные беспочвенные измышления, а предпосылки для научного подхода. Это поиск путей. Верных путей.

Алексей улыбнулся, представив себя в новом скафандре. Он, конечно, не такой, как описал Циолковский. Но, ведь суть не в отдельных деталях. Главное— принцип. А здесь к старику не подкопаешься.

«— Ну, господа, не пора ли в путь?— сказал Ньютон.— Только в таком виде вы запакитесь, — обратился он к «облаченным». — Принесите им еще легкие белые балахоны, — добавил он.— Вот так... Накиньте их и прицепите, чтобы они не могли соскочить... Если вам в них будет холодно, — обратился он к экскурсантам, то вы раскрывайте их или скатывайте в сборки, пока не будет тепло по вкусу. Температуру вы тогда получите желаемую...»

Алексей снова отвлекся. Циолковский проявлял себя в повести как мечтатель. Но, мечтая, не забывал, что он ученый. Примечательно, что он предвидел многое. Об этом многом Алексей и Павел слышали от Главного конструктора, оно уже обосновано и доказано уровнем техники сегодняшнего дня. Он читал книгу и видел, с какой скрупулезностью проверяются догадки и гипотезы. Нужно решить великое множество задач, без чего ему никогда не разрешат выйти из корабля в космос, крикнуть: «Протяните вашу руку, звезды!» И при этой мысли хотелось еще раз склонить голову перед учеными, конструкторами, исследователями, которые нашли пути для познания неизведанного. Ведь они тоже идут к звездам сквозь тернии.

И снова зашуршали страницы.

«Их снабдили всем необходимым, и одного из них замкнули в очень тесную камеру вроде футляра. Для этого сначала отворили внутреннюю половину этого шкафа, потом герметически закрыли ее и быстро вытянули из футляра оставшееся ничтожное количество воздуха,—чтобы не пропадала его и капля. Балахонщик выражал недоумение и нетерпеливо ждал в темноте. Через минуту отворили наружную половину футляра, и балахонщик, оттолкнувшись, вылетел на свободу. Так же выпустили и другого.

Глаза всех прилипли к окнам. Видно было, как балахонщики разлетелись в разные стороны и как разматывались привязи, как они возвратились, полетели опять, но в другую сторону, как распахивали свои балахоны, прикрывались ими, как двигались и вращались на манер детских волчков. Все эти движения, впрочем, уже хорошо были известны ракетчикам: они давно уже проделывали их в своем закрытом помещении...»

Алексею вспомнились тренировки, как они вместе с Павлом летали на невесомость и там, в вышине небес, в бассейне специального самолета проделывали различные манипуляции.

«Вот один отцепился от привязи и полетел далеко, так что едва был виден: но вот фигура его снова появилась, стала расти, приближаться к ракете, однако пролетела немного мимо. Виден маленький дымок. Это балахонщик, пустив в ход взрывную машину, переменял свое направление и полетел к ракете. Вот хватается за скобы, смотрит в окно; через стекло видно смеющееся лицо. Знаками просится домой...

Их окружили и нетерпеливо ждали повествования.

— Когда открыли наружную дверь и я увидел себя у порога ракеты, я обмер и сделал судорожное движение, которое и вытолкнуло меня из ракеты. Уж, кажется, привык я висеть без опоры между стенами этой каюты, но когда я увидел, что подо мною бездна, что нигде кругом нет опоры, со мною сделалось дурно и я опомнился только тогда, когда вся цепочка уже разматалась и я находился в километре от ракеты; она виднелась по направлению цепочки в виде тонкой белой палочки. Я был закутан в блестящий балахон, который, отражая солнечные лучи почти целиком, не согревал меня. Мне сделалось холодно, и от прохлады я, вероятно, очнулся...»

Алексей улыбнулся.

«Я скорее потянул за цепочку и быстро полетел домой. Понемногу я успокоился, особенно, когда увидел себя вблизи ракеты, увидел прижатые к стеклам носы любопытствующих. Самолюбие мешало показать страх и скрыться поспешно в ракету. Попорхав некоторое время на цепочке между небом и землей, я отвязался и полетел свободно. Когда ракета едва виднелась, пустил в ход взрывную машину и полетел обратно. Все-таки было страшно... Вы видели, конечно, как я вертелся волчком. Но я совершенно не замечал этого вращения: мне казалось, что небесный свод всеми своими украшениями и даже с ракетой поспешно вращается вокруг меня. Но я мог все-таки остановить это вращение благодаря двум рукояткам от механизмов, приделанных к скафандрам.

Позу я принял,— вы видели из окон,— такую же, какую и вы здесь принимаете, то есть она менялась по мере утомления или под влиянием условий. Если было холодно и я забывал раскрыть балахон для восприятия горячих солнечных лучей, то ежился, как в постели в предутреннем холодке. Если было жарко, члены тела интенсивно раздвига-

лись, чтобы увеличить лучеиспускающую и теряющую тепло поверхность. Если не было ни того, ни другого, то по мере утомления менялась поза: надоедало быть вытянутым, как при стоянии, я сжимался калачиком, принимал положение сидящего, плавающего, раздвигал и сдвигал ноги и руки, наклонял голову, поднимал ее, делал всевозможные движения...

— Мне почти нечего рассказывать,— заявил другой балахонщик,— я испытал точь-в-точь то же, что и мой товарищ, только в обморок не впадал. Страх испытал, но он почти моментально исчез... Да, нервы у меня покрепче!..»

«У меня тоже»,— подумал Алексей, не прерывая чтения.

«— Вы, господа, конечно, знаете,— продолжал он,— как громадно и свободно пространство, окружающее Землю, как оно полно светом и как пусто. Это жаль!.. Как мы теснимся на Земле и как дорожим каждым солнечным местечком, чтобы возделывать растения, строить жилище и жить в мире и тишине. Когда я блуждал в окружающей ракете пустоте, меня поразила эта громада, эта свобода и легкость движений, эта масса бесплодно пропадающей солнечной энергии. Кто

мешает людям настроить тут оранжерей, дворцов и жить себе припеваючи!..»

Алексей захлопнул книгу. Мысленно он продолжал разговор с Циолковским, продолжал сопоставлять надуманное и действительное. В аналогиях недостатка не было. Циолковский ошибся лишь в сроках. Он не мог назвать год, когда осуществится его мечта. Алексей же знал даже и день своего полета. Знал и ждал его. Ждал вместе с Павлом. Ведь им лететь вдвоем. Они давно готовятся к своему полету. О, сколько изучено, сделано и опробовано на этом пути! Сколько разгадано загадок и сколько еще осталось!

Оба они, Алексей и Павел, идут на этот шаг сознательно, по доброй воле. Они отлично знают, что космос — мягко говоря, среда, плохо приспособленная для жизни. Многие опасности, и не только замеченные, но и те, что еще нельзя даже предвидеть, подстерегают дерзнувшего выйти из корабля на свидание с космосом, с этим миром без верха и низа, где со всех сторон вакуум, пронизываемый вместо свежего земного ветерка смертоносными излучениями, где возможна встреча со стремительно летящими метеоритами...

Интересно устроена жизнь. Совсем недав-

но казалось фантазией, что наступит день, когда человек взлетит к звездам, оставив далеко позади границы стратосферы, спокойно подойдет к люку и покинет корабль, шагнув в мир непостижимого. А теперь...

Они знали, что «срыва» быть не может. Для ученых, которые готовили их полет, нет неожиданностей. Еще до того, как человек впервые покинул Землю, накапливался опыт. Это была проверка противоборствующих точек зрения. Многие серьезно считались с метеорной угрозой. Они даже подсчитали вероятность столкновения — раз в пятидневку. И приходили к выводу, что спутник-корабль наверняка потерпит аварию в космосе, экипаж погибнет, он не просуществует даже недели.

Первая советская космическая ракета на всем пути — полмиллиона километров — встречала метеориты весом около миллиардной доли грамма. Во время полета третьего искусственного спутника на каждый квадратный метр приходилось более шестисот ударов микрометеоритов в час. Но аварий не произошло...

Гатарин, Титов, Быковский и другие их товарищи-космонавты своей жизнью проверили усилия ученых, работавших над созда-

нием скафандров и кабин космических кораблей. Все они летали под прикрытием двойной защиты. Последние трое — Комаров, Феоктистов и Егоров — сутки жили и работали в корабле без скафандров.

Нет ничего на свете сильнее человеческого разума. Разум проложил для нас путь в космос, помог преодолеть стихийные враждебные силы Вселенной, он сделает возможным переселение человека на другие планеты, откроет новые источники энергии и обеспечит бессмертие человеческого рода.

Константин Эдуардович, ты надул паруса нашей мечты.

Как-то Германа Титова спросили:

— Мечтают ли летчики-космонавты?

— Конечно, мечтают, — ответил он. —

У нас очень много работы, но, когда появляется свободная минутка, мы тоже любим помечтать о том, что мы увидим на Луне, на Марсе, на Венере... Все мы сходимся на том, что увидим там, наверное, Венеру, и непременно Милосскую. Но если судить по современному развитию науки и техники, нас, теперешних космонавтов, «хватит» до Луны. Ну, а дальше придется передать эстафету другим, тем, кто полетит к Марсу, к Вене-

ре. Что касается меня, то самая большая моя мечта — это облететь вокруг Луны.

Ну, а они, Алексей и Павел, о чем мечтают?

Им тоже хочется побывать на других планетах. Как говорил Циолковский: «Стать ногой на почву астероидов, поднять рукой камень с Луны, устроить движущиеся станции в эфирном пространстве... наблюдать Марс на расстоянии нескольких десятков верст, спуститься на его спутники и даже на самую его поверхность...»

Своим полетом они приблизят эти рейсы.

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Есть у Алексея Леонова тетрадка в коричневом дерматиновом переплете. В ней записи, короткие и длинные, о друзьях-товарищах, буднях учебы и тренировках, о времени и о себе. Это — дневник космонавта.

■

1961 г. Октябрь

Летал на Иле. Это мой первый полет на транспортном. Непривычно. То ли дело бе-

лым следом чертить небо на истребителе! Здесь скорости и высоты другие. Но машина понравилась. А главное — весело. На борту целый коллектив.

Вначале действовал неуверенно. Нет опыта. Да и инструктор придирчиво следит за каждым движением. В таких случаях хочется сделать лучше, но не всегда получается.

На втором круге было легче. Это потому, что знал уже «характер» машины. А она — хороша, летать можно. Когда сели, инструктор похвалил. Я тоже собой доволен, хотя это редко со мной бывает...

Весь день пробыли в КБ. Раньше как-то не обращал внимания, а сегодня бросилось в глаза: много молодых ребят, все — инженеры. Держатся свободно, спорят, доказывают. Мы слушаем, претензии и замечания будут потом. А будут ли? Эти ребята и сами понимают что к чему. Есть кому двигать космическую науку и технику... Ведь в нашей стране инженеров и ученых больше, чем в какой-либо другой.

Вечером ждала приятная новость — письмо от однополчан. Дорогие друзья, спасибо,

что не забываете. Как там у вас? Наверное, летная жизнь скучать не дает?

Ноябрь

День начался с тренировок в корабле. Еще несколько витков прибавилось к моим космическим полетам на земле. Все-таки здорово придумано — корабль-тренажер! Если не быть придирчивым к мелочам, полная имитация настоящего полета. Нет, конечно, невесомости и перегрузок, но об этом не думаешь, когда начинается работа. Если где проморгал, твои ошибки сразу заметят.

Народ у нас в этом отношении строгий, промахов не прощает. Да это и правильно. Ведь чем больше ошибок ты подметишь у другого и сумеешь их разобрать, тем лучше и для тебя и для товарища.

Кончился наш футбольный сезон. Сегодня сыграли последнюю игру, и уже при «белых мухах». На дворе — минус 6. Но мороз не помеха. Баталия была одной из самых жарких, и победа далась нам с трудом. Счет 4:3. Отличился Валерий Быковский. Он просто

неутомим. Правда, и другие ребята под стать ему.

Иногда задумываюсь о наших ребятах. Со стороны посмотришь, вроде бы все одинаковы: крепкие парни, в ладно обтягивающих мускулистые тела тренировочных костюмах, все в прошлом летчики, пришедшие в авиацию по зову сердца. Парни как парни. Обычные ребята. Вроде бы и очень похожие. И все-таки они очень разные. У каждого свои привычки, свои вкусы, свои склонности, свой круг интересов. А вот к главному — к нашей работе все относятся одинаково. Самозабвенно, добросовестно.

«Космонавтика» — это новое слово вошло в нашу жизнь и все в ней перевернуло. Кажется, совсем недавно мы проходили отборочную комиссию. Долгие, томительные дни в госпитале сблизили нас. Бывало, лежим в ожидании вызова на исследования и толкуем о жизни, о политике, спорим, вспоминаем, мечтаем. Тогда все представлялось иначе. Теперь мы знаем, что каждый шаг, пусть даже маленький, по пути, по которому мы идем, необычайно важен. Без него не может быть следующего.

Не легки километры космической дороги.

■

Только что вернулся из ночного полета. Ночное небо бесконечно, как будущее. Где-то там, и может быть скоро, встретится человек с разумными существами другой планеты. Встретится и спросит: «Где ваша Третьяковская галерея, марсиане?»

Пролетали над Москвой. До чего же она красива ночью. Особенно, когда смотришь с высоты. Бусинки огней, яркие отблески разноцветных неоновых реклам, удивительная игра полутонов... И все это не замерло в немом безмолвии, а живет, дышит, подмигивает, улыбается в темноте.

Очень красиво. Жаль, что нет времени любоваться этой красотой. Ведь мы летим!

Декабрь

Долго примерялась зима, а теперь, кажется, пришла полновластной хозяйкой. Сегодня были со Светланой в Большом театре. Слушали «Руслана и Людмилу». Удовольствие получили большое, но всю дорогу домой спорили. Чуть не поссорились даже. И все из-за артистов. Она утверждает — в опере главное голос. Но разве можно голосом заменить игру актера? Певцов можно слушать и в концертах.

В качестве довода я привел Светлане слова Шалаева, а она говорит, что я попросту придираюсь. К общему знаменателю мы так и не пришли. А «Руслан и Людмила» — это все-таки здорово! В опере столько русского, столько красоты!

Когда-то Гоголь сказал: «О, будь же нашим хранителем, спасителем, музыка! Не оставляй нас! Будь чаще наши меркантильные души! Ударяй резче своими звуками по дремлющим нашим чувствам!» Прав был Николай Васильевич.

1962 г. Март

Весна! Каждый, наверное, чувствует извечные приметы этого чудесного времени года. Весна в природе, весна и в учебе. Идут экзамены. Сегодня сдал математику. Высшую! Есть в точных инженерных науках своя прелесть. Они не терпят вольности и удивительно сочетают строгость, логику, красоту. В них нет середины и конца, если нет начала. Нет готовых решений. Они — результат поиска. Поначалу мы блуждали, как в лабиринте, долго и мучительно. Потом привыкли, научились отыскивать тот кончик, потянув за который, можно развязать узелок.

А вообще-то очень многое зависит от преподавателя. Физику нам читал профессор Михайлов. Это замечательный человек. Он стремился привлечь нас к своей науке, заставить полюбить ее.

Не все нам дается легко. Михайлов говорит, что наука любит упорных и одержимых. Сам он тоже одержимый, хотя по внешнему виду этого не скажешь. Вместе с физикой мы полюбили его. Спасибо ему.

...Вечером собрались у Юры Гагарина. Он сегодня именинник: стукнуло двадцать восемь. Стареем.

Апрель

Прыгали с парашютом. Шесть раз взлетал наш «старичок», шесть раз командовал инструктор, шесть раз проваливались в бездну свистящего, упругого ветра. Земля мчится навстречу в стремительном, неотвратимом беге...

Интересно устроен человек: даже привычное порой воспринимает как что-то новое. Перед шестым прыжком в душе все равно рождается какое-то томительно-ликующее ожидание и вместе с тем захватывающее чувство высоты, власти над природой, опасности...

Май

Сегодня вытащил Свету в мастерскую к Григорию Николаевичу Постникову. Здесь есть что посмотреть. Григория Николаевича в шутку называют космическим скульптором. Его композиция «К звездам» появилась еще задолго до первого полета. Потом он сделал портреты Юры и Германа...

А сколько у него задумок! Он показывал нам эскизы и «черновые наброски», рассказывал о планах, водил от подставки к подставке, сдергивал куски полотна, за которыми скрывалась неоконченная работа...

Мы стояли и смотрели, смотрели и думали, что даже из камня можно высечь жизнь, если высекать ее будет рука мастера.

Мастерство... А что это такое? Иногда о нем говорят как о чем-то таком, что дается прилежанием и послушанием, талантом и способностями. Наверное, мастерство — это и великая нравственная сила.

1963 г. Февраль

Сидел в термокамере. «Парку» на этот раз поддали больше. Ну и баня! Температура под «доспехами» становится тропической. Неудержимо хочется скорее на мороз.

Подъем в барокамере на высоту 5000 метров без кислорода — это просто орешки по сравнению с термокамерой.

Когда возвращался домой, залюбовался закатом. Яркая оранжево-красная полоса лежала у самого горизонта. Если бы такую краску нанести на холст рядом с темно-серой, сказали бы: неправда, так не бывает. А в природе они сочетаются очень смело.

Посидеть бы сейчас с мольбертом.

Июнь

День ото дня становится жарче и жарче. Лето. Солнце накаляет асфальт, проникает сквозь шторы во все уголки классов и лабораторий. Пора в отпуск, а у нас это самая работа...

Космодром проводил еще двоих. На орбите «Ястреб» и «Чайка». Валерка пошел на пять суток. Пять суток схватки с невесомостью. Это здорово! Послушаем, что он расскажет, когда вернется.

Совсем недавно все мы были лишь потенциальными космонавтами, а сейчас шестеро из нас вышли на свои орбиты. Как изменил этот маленький срок людей, как много можно рассказать о каждом! Мы возмужали, знаем

цену людям и настоящей дружбе, серьезнее подходим к жизни.

...Что-то новое тревожит меня, волнует. Хочется много знать и много сделать.

1964 г. Апрель

Каждый раз, когда я сажусь за письменный стол и раскрываю тетрадь, испытываю невольное сожаление от того, что нельзя делать сразу несколько дел. И из ряда занятий, порой уже начатых и каждое из которых настойчиво требует внимания, надо выбрать что-то одно и отложить остальные.

Так я и сделаю. Писать не буду. Надо оформить журнал лабораторных работ по аэродинамике.

1965 г. Январь

Последний этап наших тренировок. То, что мы проходим сейчас, мало похоже на все предыдущее. Но ведь и сам полет будет совсем иным. Скафандр стал моей рабочей одеждой. Сегодня «поднимался» в нем на высоту 36 километров.

Андрюша наблюдал в иллюминатор. В его глазах — ответственность и тревога. Ответственность за порядок, за нас. Тревога за наши судьбы. Он командир нашего отряда.

Тренировки... А ведь точно так и в космосе. Там человек тоже не бывает один. С ним те, кто создавал корабль, кто на земле готовил его к полету. И те, кто рядом, помогают выполнять программу.

■

Центрифуга... Сколько раз я уже вращался на этом чертовом колесе, но привыкнуть так и не смог. Прямо скажем, удовольствия на нем не получаешь.

Передо мной «крутили» Пашу. Нам лететь вместе. Вместе, если ничего не случится. Будем надеяться, что так оно и будет.

Паша — человек интересного склада. Его не сразу сумели понять — считали сухарем, молчуном, замкнутым. Самое ценное в этом человеке — честность, неподдельная смелость, благородство души. Он очень толковый парень. Прошел нелегкий путь. Справедлив и добр. На такого всегда можно положиться, не подведет.

Он не любит громких слов. Если давать ему задание и повторять при этом: «ответственность», «важность», «должность» и «необходимость», — считай, что нужного контакта не будет. Уж он-то сам знает, как нужно работать, как беречь время, как

делать на совесть. И еще: он начисто лишен тщеславия.

Февраль

Перечитал научно-фантастическую повесть Циолковского «Вне Земли» и еще и еще раз убедился в гениальности этого человека. Он предугадал многое. Есть же люди!

Теперь уже могу признаться — хоть и хотели мы этого и ждали, а все-таки было тревожно: как-то будет там, в «открытом» космосе, как сработают все устройства, сколь надежным окажется скафандр... Тревогу побеждала уверенность. Уверенность в успехе. Ведь все: и ракета-носитель, и корабль, и скафандры, да и все, что мы возьмем с собой, — сделано надежно, по-советски...

Мы были готовы к тому, что придется провести титаническую работу. Сейчас можно сказать, что мы ее выполним. Остался последний шаг!

...Как там, дома? По времени Светлана должна укладывать Виточку спать. А та шепчет, наверное: «Ну, засыпай, засыпай...» Не волнуйтесь, мои дорогие. Со мной ничего не случится.

Завтра пуск. От этого радостно и чуть тревожно. Перед глазами калейдоскоп виденного вчера и позавчера на стартовой площадке — встречи с космонавтами, с Главным конструктором, со многими-многими другими людьми, подготовившими этот беспримерный эксперимент. Сейчас, пока не нахлынули новые события, новые впечатления, самое время коротко описать все увиденное и услышанное.

■

...Находясь среди ракетчиков космодрома в дни полета, всем сердцем ощущаешь, какими тесными узами они, эти властелины новой могучей техники, связаны с космонавтами. Как они внимательно, неотрывно следили с Земли за каждым этапом каждого звездного рейса, как ждали возвращения космонавтов на родную планету.

Вот и этот необычный полет ракетчики и космонавты готовили дружно, едиными усилиями.

День накануне пуска. На площади обслуживания намного меньше людей, чем раньше: заканчиваются предстартовые испытания. Корабль готов к полету. Готов! Сколько люди вложили энергии, чтобы это слово обрело полную реальность. И конструкторы, и техники, и инженеры, и рабочие, и ракетчики, и космонавты могут сказать: «В корабле и наша доля труда». Подчеркиваем, ракетчики и космонавты. Они работали вместе с конструкторами. Вносили свои предложения. Не раз Беляев и Леонов говорили: «Нам кажется, так удобнее». Конструкторы учитывали их замечания — ведь для космонавтов все должно быть удобным в корабле. Немало творческих заявок было принято от космонавтов.

На космодроме корабль прошел последние испытания. В один из предстартовых дней в пультовой долго и молча сидел Главный конструктор. Он только смотрел, иногда чему-то улыбался. Потом вдруг резко встал и направился к дверям. Ведущего испытателя удивило его загадочное поведение.

— Ждете указаний? Их не будет. Настоя-

щим мастерам нечего указывать. Они сами все умеют.

Ракетчики трудились самозабвенно, удивительно точно, ритмично. Это был высший класс мастерства. Возможно, так они еще никогда не работали. Вместе с техникой растут и люди. Ныне ракетчики поднялись на новую ступень мастерства. Они сдали корабль Государственной комиссии без малейшего замечания.

...С ракеты спустился лифт. Зеленый с круглыми окошечками лифт, к которому все привыкли. Здесь ко многому привыкли. А лифт — просто «ракетный транспорт». Но, если вдуматься, он тоже стал историческим. Ведь на нем поднимались к кораблю, на верхнюю площадку все героин-космонавты. И из круглого окошечка смотрели, как удаляется стартовая площадка, как уменьшаются фигуры людей... Лифт увозил их с Земли.

В предстартовые дни космонавты тоже навещают корабль. Ездят к нему, как на свидание. Ракетчики предоставляют им лифт чуть ли не в персональное пользование. «Вам скоро летать, — говорили они. — Будьте хозяевами».

В открытых дверях кабины видны знакомые фигуры. Конечно, выходят Павел Беля-

ев, Алексей Леонов. Они затерялись в толпе ракетчиков. Их тут знает почти каждый, со многими они давно дружат. Часа два назад космонавты приняли от ракетчиков корабль, ракету.

По этому случаю состоялась традиционная торжественная встреча. Никто не торопится покидать стартовую площадку накануне большого события. Как уйдешь! Снова встреча. На этот раз короткая — все понимают, что не следует утомлять космонавтов. Павел Беляев все-таки задержался в кругу друзей. Алексей Леонов отошел в сторонку, стал на краю площадки. Снял фуражку. Подставил русые волосы легкому весеннему ветерку. Задумчиво смотрит на степь, на оголенную от снега землю, на озерца талой воды... Но вот на лице появилось что-то доброе. Он увидел весну, услышал ее легкий, приятный «голос». Ведь он художник, не может пропустить пробуждение природы.

Подожли к Алексею, стали рядом с ним. Молчим. Может, и не надо спрашивать ни о чем. И все-таки спрашиваем:

— Освоился с кораблем?

Леонов по-прежнему смотрит в степь. В эти дни он так был занят, что не замечал

ничего кругом. Теперь впервые заметил весну и обрадовался встрече с ней. Он, видимо, не расслышал вопроса. Нет, смотрит, улыбается.

— Я сегодня летал,— говорит он,— возможно, в сто первый раз. Но как-то по-особенному. Корабль утонул в солнечных лучах. И мне показалось, что он оторвался от земли, мчится в космосе... Глянул в открытый люк: перед глазами степь.

— Удивился?

— Немного,— отвечает Алексей.— Степь еще не видел через люк. Чаще всего видел в своем воображении космос. Точнее, свои космические эксперименты. Сколько раз мысленно выполнял, «проигрывал» в корабле, и сказать не могу. Не думал, что такая сложная подготовка выпадет на нашу долю. Тяжело, конечно, было. Нас «поднимали» в барокамере на высоту до сорока километров. Понятно, на реактивном самолете сделали до двадцати горок. Кроме того, десятки условных полетов... непрерывный труд в течение многих месяцев. Я до мелочей отработал выход в космос и возвращение в корабль. Пока отработал на земле. Теперь выхожу в реальный космос. Знаю, там будет еще сложнее. Ни в чем нельзя ошибиться.

Важно каждое движение. Скажем, чуть резковато оттолкнешься от корабля, и тебя может закрутить. Это же космическое пространство. С ним шутки плохи. Исключительная выдержка, уравновешенность... Вот что самое главное. И этому пришлось учиться. Ведь по характеру я не очень спокойный.

— Досталось?

— Ничего,— ответил Леонов.— Сложность — это по моему характеру. Правда... в чем-то победил себя. Чем трудней человеку, тем он больше может сделать.

— Перед самым полетом тоже хватает работы? — спрашиваем его.

— Примеряли скафандры, проводили последние тренировки,— ответил Алексей,— обычная работа. С одним бортжурналом полно хлопот... заполняли целый месяц, расписывали задания по виткам, этапам. Только что закончили. Теперь все готово.

— Недолго уж ждать?

— Недолго,— повторил Алексей, прощаясь.

К этой беседе на стартовой площадке хочется добавить слова, сказанные Героем Советского Союза, летчиком-испытателем, спортивным комиссаром Сергеем Николаевичем Анохиным:

— Я смотрю на Беляева и Леонова. Какие они разные. Можно сказать, лед и пламень. А хорошо сработались. Дружный экипаж. Особенный. Тут очень важна слаженность. Я думаю, эти ребята способны на большое дело. Они свершат подвиг.

...Поднимаемся на лифте, из которого недавно вышли космонавты. От нас удаляется земля. Рядом с нами — лифтер, такой светловолосый парень.

— Кого из космонавтов поднимали? — спрашиваем его.

— Пока пятерых. Я захватил только «Восходы». Мой предшественник обслуживал «Востоки».

Интересно, к каким кораблям через под-два будут поднимать космонавтов лифтеры?

На верхней площадке, у корабля наш старый знакомый. На космодроме он с первых кольшков, готовил к пуску первый спутник, первого космонавта... Короче говоря, вся космическая эпопея свершалась на его глазах и с его участием. Он прощается с космонавтами самым последним: он провожает их до корабля, усаживает на место. Его так и называют — провожающий. Подходя к нам, улыбается.

— Экипаж «Восхода-2» тоже будете провозжать на верхней площадке?

— Как же, непременно!

Обычно на ракету смотришь с плит стартовой площадки или с наблюдательного пункта. Теперь у нас другая точка обзора — снизу, из бункера. Отсюда она тоже хорошо видна. Понятно, через перископ. Перископ руководителя старта или, как его здесь зовут, главкомстарта. Пока он занят другим делом, уступив на время свое место.

Сердце бункера — пультовая. Знаменитая пультовая стартовой площадки. Отсюда доносился спокойный, с металлическим оттенком голос руководителя старта. Отсюда летели все команды. Мы слышали только его голос, его команды. И нам казалось: хладнокровнее и спокойнее нет человека. Потом он признавался: «Не курю, но после старта сама рука тянется к папироске».

В пультовой во время старта сидят главные конструкторы. У каждого свой стул. Привычка. А вот привыкнуть к полному спокойствию никому не удается.

И все-таки в пультовой немало перемен.

Вот хотя бы поведение операторов. Раньше они не брились перед стартами, кнопки нажимали только большими пальцами правой руки. Теперь об этом если и вспоминают, то непременно с улыбкой. Вот они, операторы, спокойно сидят у своих пультов — все побриты, аккуратно одеты. В общем, выглядят, как именинники. О чем они думают? Спрашиваем об этом оператора, который нажимает в необходимый момент самую главную кнопку — кнопку пуска.

— Просто спокойно жду своей команды, уверен — хорошо взлетят космонавты.

И все в этом уверены. А перед этим стартом как-то все необычно спокойны, собранны, работу выполняют удивительно ритмично.

Как обычно, инженер-испытатель встречает космонавтов на ступеньках площадки. Вместе с ними сидит минуты две. Всегда так бывает, это уже обычай. Потом космонавты немного сидят у корабля. Как бы шлют прощальный привет Земле. А потом инженер усаживает их в корабль, еще раз вместе с

ними проверяет приборы и со спокойной совестью машет рукой: «До встречи на Земле». Эти прощальные минуты особенно волнующи.

И десятого и одиннадцатого космонавтов провожает этот ветеран космодрома. Провождает в необычайный рейс на корабле, который вместе со своими товарищами испытал, подготовил к полету. Счастливый человек!

СТАРТ!

Это памятное утро на космодроме началось с привычных ритуалов. Все как будто так, как и перед другими стартами, — космонавты спозаранку выходят из своего домика, потом надевают скафандры, потом едут в автобусе на стартовую площадку... И все-таки много чего-то своего. Каждый старт по-своему неповторим. А этот — особенно.

Перед этим стартом у нас было немало интересных встреч и откровенных разговоров. Главный конструктор очень тепло отзывался об экипаже корабля «Восход-2»:

— Оба космонавта отлично подготовлены к полету. Должен отметить удачное сочетание характеров. Беляев — опытный коман-

дир, спокойный, неторопливый, немного медлительный, но очень основательный, все делает фундаментально. Леонов — сообразителен, с русской смекалкой, живым умом. Они очень хорошо освоили технику, вполне подходят для сложного, необычного полета.

А полет в полном смысле необычный, — продолжает Главный конструктор. — Даже для наших космических представлений. Особенность его в том, что один из космонавтов выходит на орбите в космос и выполняет там целый ряд операций. Он сделает за бортом корабля различные движения, маневры, вернется обратно на корабль. Зачем нужен выход этот в космос? Ответ простой: летая в космосе, нельзя не выходить из корабля так же, как, плавая в океане, надо уметь держаться на воде. Если, скажем, что-то следует поправить с внешней стороны корабля, например произвести сварку. Как это сделать? Выход один: надо покинуть корабль. Возьмем еще пример. Один корабль подошел к другому, чтобы оказать ему помощь. Можно подойти и ничего не сделать, если не научишься выходить из корабля.

Очень необходим этот навык. Его надо отработать. Вот почему мы и проводим первый

эксперимент. Первый шаг, как известно, всегда очень сложен. Но у нас есть большая уверенность, все пройдет хорошо. Кое-где, возможно, скажут: «Произошло чудо». Никакого чуда нет. Видим мы тут безграничные возможности человека и техники. Космонавтам дали наказ: «Безрассудно не рискуйте, постарайтесь выполнить задачу».

Все, что можно, сделано для успеха этого эксперимента. У космонавтов надежные скафандры, которые создают комфорт, хорошие санитарные нормы, позволяют свободно передвигаться. Он не грозит выходящему в космос никакими осложнениями: предохраняет от внешних воздействий, защищает от космического вакуума. Космонавт выходит, придерживаясь за прочную фалу. Она выдержит любой вес.

— Видимо, этот полет — новый этап освоения космоса? — спросили мы.

— Конечно, — подтвердил Главный конструктор. — Этот полет открывает новые возможности. Например, для смены экипажей орбитальных станций, для обеспечения их сменной аппаратурой, продовольствием. Один корабль, как я говорил, может оказать помощь другому. Вот для этого и надо научиться жить, работать в космосе. В полете

«Восхода-2» — большой элемент первооткрытия.

...Итак, полет, о котором говорил Главный конструктор, приближается. Космонавты одеты в светлые скафандры. Гермошлемы и ботинки тоже белые. Кто-то из провожающих говорит: «Теперь у выходящих в космос своя форма — белоснежная.— И уточняет: — Выходная форма».

Следуем на машине за синим автобусом, который везет космонавтов на стартовую площадку. Тихое движение сразу же настраивает на торжественный тон. Крутом праздник. У обочины дороги народ, лозунги: «Счастливого полета, друзья!» Везде полно народу. Автобус подходит к самой ракете. Космонавты докладывают председателю Государственной комиссии о готовности к полету. Белые скафандры, белая ракета... И розовые цветы в чьих-то руках.

Вслушиваемся в разговор, который ведут космонавты из корабля. Знакомые команды, знакомые голоса. Голос Юрия Гагарина обычный — мягкий, заботливый, с юмором. Деловой тон перемешивается с шутками. А космонавты? Они тоже верны своим характерам. Павел Беляев докладывает неторопливо, точно, строго официально. Ни одного лишне-

го слова, как будто ведет обычную передачу по радио. В голосе Алексея Леонова слышатся чуть приподнятые, эмоциональные нотки. Он часто, с особым удовольствием повторяет: «Чувствуем себя отлично, отлично...» Работают они в корабле с отменным настроением.

Позвонили из Москвы, из Центрального Комитета партии, приветствовали космонавтов и желали хорошего полета.

Гагарин дублирует последние команды. Беляев отзывается:

— Слышим. У нас все готово.

Что больше всего поражает — удивительное спокойствие космонавтов. А мы ждем в напряженном молчании, словно не дышим. Очень волнуют эти минуты всех, кто остается на Земле.

Днем это улица как улица. Снуют машины, деловито стучат каблуками пешеходы. Те, кому страна доверила космическую науку и технику, стекаются к своему «штабу» — сюда через многие сотни километров линии связи доносят эхо космических стартов.

Мы — на пункте управления космическим полетом.

Здесь мало что изменилось с того осеннего дня, когда стартовал многоместный «Восход», зажигая новую зарю над планетой. Телефоны, приемные устройства, экраны телевизоров, таблицы, карты, сигнальные табло, огромный земной шар-глобус... Здесь много людей — специалистов по космонавтике, дальней радиосвязи, телеметрии, врачи, инженеры... Они ждут.

Стрелка часов приближается к 10-ти.

Рядом с нами Константин Петрович Феоктистов, Андриян Григорьевич Николаев, Павел Романович Попович. Все смотрят на часы.

Космодром передает команды: «Готовность пять минут...», «Старт!»

С командного пункта сообщают время старта: десять часов, ноль-ноль минут, ноль-ноль секунд, столько-то миллисекунд. Вот она, космическая точность!

В который раз видим взлет ракеты. Все стало как будто обычным. Внизу огонь, дым, закутавший ракету почти до верхушки. Смотришь на это и почему-то волнуешься. Видимо, потому, что ни на секунду не забыва-

ешь — там, в корабле, два человека. Они хорошо знакомы, с ними нас связывают душевные нити. Они покидают Землю. Мы кричим: «Счастливо, друзья!»

Время несется будто со скоростью ракеты. За какие-нибудь полчаса столько событий! Еще в ушах слышится ракетный гром, который почему-то напоминает необычную весеннюю грозу. Еще глаза, кажется, слепит водопад огня, еще не растаяла в синем просторном небе сероватая дорожка, а стартовая площадка уже пуста. И не к ней, а к космической высоте приковано наше внимание. Корабль на орбите. С него доносятся знакомые голоса двух наших космонавтов. На борту — порядок. Всего две минуты потребовалось для того, чтобы приступить к первому циклу выполнения программы. Две минуты, а не целый виток, как на прошлых полетах. В небывалом темпе начал работу этот экипаж.

Ракета еще не скрылась из виду, а космонавты уже докладывают: «Перегрузки небольшие». Они словно продолжают разговор, начатый на Земле, но он небесного содержания. Мы слышим голос Беляева: «Вся Земля в облаках. А небо черное».

■

Затаив дыхание, следим мы за беспрецедентным полетом. Короткие сообщения с борта космического корабля гордостью и надеждой наполняют наши сердца.

«Экипаж чувствует себя нормально. Все системы корабля работают отлично». Полковник Беляев и подполковник Леонов приступили к выполнению программы полета. «Заря» — это позывной Земли — желает им удачи.

Мы разговариваем с Андряном Николаевым. Он спокоен и в эти волнующие минуты. Он улыбается и неторопливо рассказывает, как его товарищи готовились к полету.

— Трудно было, Андрян Григорьевич? — спрашиваем его.

— Да, трудно. Но Паша и Леша крепкие ребята. Они еще не то покажут.

Что скрывается за этими словами? Что такое «не то», которое нам предстоит узнать?

И вот эта ошеломляющая новость. Второй пилот корабля, летчик-космонавт Леонов покинул кабину «Восхода-2» и вышел в открытый космос.

Все прильнули к экранам телевизоров. На темном фоне появляется силуэт корабля. Все ярче его очертания, все яснее кадры на экране. Но вот сбоку появилась головная часть

скафандра. Она растет, увеличивается, еще, еще... Это человек!

Скоро мы услышим от Алексея Леонова сообщение: «Выхожу в космос». Произойдет необычное. Удивительное... Алексей Леонов уже сейчас выходит из корабля в космическую бездну. Он спокойно, без боязни выходит в космос. Выходит первым в мире! Внимание! Уже вышел. Мы слышим его торжествующий доклад, видим его на экране телевизора. Он плавает вблизи корабля. Позже эти минуты будут описаны со всеми подробностями. А пока мы видим — необычное свершилось. Запомним день, час и минуту, когда это произошло.

Вон он, первый в истории человечества шаг в просторы открытого космоса. Мы видели космонавтов перед стартом ракеты, видели их в кабинах звездных кораблей... Сегодня мы стали свидетелями нового события. Второй пилот «Восхода-2» подполковник Алексей Леонов покинул корабль для работы в космосе. Находясь вне корабля, космонавт обследовал наружную поверхность корабля, включил кинокамеру и провел визуальные наблюдения Земли и космического пространства. После выполнения программы Алексей Леонов возвратился на корабль.

Общее время пребывания космонавта в условиях космического пространства составило около двадцати минут, в том числе вне корабля — десять минут. Все операции по выходу в космос и возвращению на корабль космонавт выполнял под контролем командира корабля, поддерживая с ним непрерывную связь.

Напряженно вглядываемся в экраны телевизоров. Хочется увидеть все, ничего не пропустить. Гулко стучит в груди сердце. Чаще, чаще... Такого еще мир не видел.

А вот голос Павла Ивановича:

— Я — «Алмаз-один». Я — «Алмаз-один». Задание по выходу в космическое пространство и возвращению космонавта в корабль выполнено полностью. Параметры в кабине находятся в пределах нормы. Дальнейшие работы идут строго по программе полета.

Это сообщение покатило дальше. Нет, не только Москва, не только Советская страна узнала подробности блистательного успеха нашей космонавтики. Эта весть всколыхнула все человечество.

Пожалуй, сегодня всем на планете ясно,

что не было бы ни 12 апреля 1961-го, ни 18 марта 1965-го без тревожной исторической ночи в октябре 1917-го, что могучий рев ракетных двигателей, пославших в космос «Востоки» и «Восходы», «Космосы» и «Луники», «Марсы» и «Зонды», «Венеры» и «Полеты»,— это эхо орудийных залпов «Авроры», той самой легендарной «Авроры», что стоит сейчас у гранитных берегов Невы.

Павел Попович комментирует это событие. Его голос тонет в переговорах «Зари» и «Алмаза». «Заря» спрашивает о самочувствии космонавта, поздравляет с успехом. «Алмаз-2», наверное, улыбается. Об этом можно догадаться по веселым ноткам его голоса: «Все нормально!»

— Что делаете? Все наблюдаете? — интересуется «Заря». — Какие условия для работы?

— Все нормально. Начинаю отход,— это голос «Алмаза».

Мы смотрим на экран. Тишина. Кажется, в этом зале никто не дышит. Ведь люди впервые видят такое волнующее событие. И это не кадры фантастического фильма. Это наша действительность на экране. Это космовидение ведет свою программу.

Леонов отошел, нет, отплыл (это слово больше подходит) от корабля. Он работает

в невесомости, он выполняет задание. Советский человек впервые в мире вышел из кабины звездолета и шагнул навстречу звездам!

Научно обоснованное, систематическое освоение Вселенной, беззаветный труд ученых, инженеров, техников и рабочих, которые своим дерзанием и умением расширяют границы познания, удлиняют трассы космических полетов, создают сложнейшую и точнейшую космическую технику, нужны для того, чтобы еще больше подчинить человеку природу, жизнь на земле сделать лучше и краше.

...Переключка между космодромом и пунктом управления полетом продолжается. Мы снова подходим к космонавтам,жимаем им руки, поздравляем друг друга. Все в этом зале счастливо улыбаются. Ведь здесь собрались друзья, единомышленники, соратники по труду. Каждый из них внес свою лепту в создание этого подвига.

О значении сегодняшнего эксперимента можно говорить многое. Он распахнул перед нами широкие двери в будущее. Об этом еще расскажут ученые, конструкторы, инженеры, врачи, биологи. Суть в другом: советский человек смело перешагнул барьер неизведанного.

Они ушли в полет с одной целью. Сформулировать ее совсем не сложно: творить для настоящего во имя будущего, творить для будущего в заботе о настоящем. Вот зачем мы идем навстречу звездам.

■

Работа... Работает космос. Работает Земля. Двое трудятся в звездном корабле, который бороздит просторы Вселенной. Многие трудятся на Земле, у пультов управления, приемных устройств, сложных вычислительных комплексов.

Нам удалось улучшить минутку и задать несколько вопросов Теоретику космонавтики. Вот что он рассказал:

— Мы чрезвычайно довольны технической стороной эксперимента. Техника выхода из корабля была продумана безукоризненно. Результаты эксперимента нас удовлетворяют вполне. После Гагарина это, несомненно, самый крупный шаг во Вселенную. Эксперимент открывает широкие возможности для космоплавания...

Важнейшая задача — выработать навыки, необходимые для свободного полета в космосе. Допускаю, что работать в космическом

пространстве окажется легче, чем на Земле. Первый эксперимент экипажа «Восхода-2» имеет в этом смысле очень большое значение. Ведь во время этого полета человек впервые оказался в глубоком вакууме, впервые свободно двигался в космосе. Это приближает нас к осуществлению стыковки — соединения кораблей в космическом пространстве. Тогда может быть решена задача обмена экипажей во время встречи кораблей в космосе. Уверен, что мы доживем до времени, когда орбитальные станции будут иметь сообщение с Землей... Это будет что-то вроде института в космосе...

В последнее десятилетие прорывом в космос человек подтвердил многие предположения ученых о космическом пространстве и его свойствах. В этом смысле человечество всегда будет вспоминать первый спутник, первую встречу ракеты с Луной, облет Луны, полет людей по орбите...

Назвать важнейшие открытия, сделанные в космосе... Ну, что же... Радиационные пояса. Отсутствие магнетизма Луны. Карта обратной стороны Луны. Зарегистрирован «солнечный ветер»: потоки протонов от Солнца к Земле. Честь этих открытий принадлежит и нашим и американским ученым. Что ка-

сается выхода в космос, американцы этой проблеме придают большое значение. В конце этого года, если не ошибаюсь, они готовятся сделать такой эксперимент на новом корабле «Джеминай».

Метеорная опасность?.. Она была преувеличена. Теперь мы давно знаем: встреча с метеорами в космосе — дело редкого случая. Но совсем забывать о возможной встрече с небесным телом нельзя...

«Восход-2» ведет отсчет виткам вокруг голубой планеты. Антенны наземных пунктов слежения смотрят в космос. Они «ведут» корабль, они «собирают» всю информацию с орбиты, они «трудятся»...

На пункте управления шумно. Запросы «Зари», доклады «Алмазов». Обмениваются мнениями собравшиеся в зале. Андриян Григорьевич Николаев говорит, что это самая сложная и трудная задача из всех, которые приходилось решать отряду летчиков-космонавтов. «Уравнение со многими неизвестными», — шутит он.

— Павел Романович, а ваши впечатления? В двух словах.

— В двух словах об этом не скажешь. Если и попробовать, то сочетание может быть только таким: очень здорово.

Смотрим записи врачей. По программе медико-биологических исследований получены данные о физических особенностях реакций и характера движений человека при свободном перемещении в космосе. Графики и цифры красноречиво говорят, что для тревог нет оснований.

Экипаж докладывает «Заре» об итогах выполнения программы. Подробности мы узнаем позднее. Но уже сейчас ясно: «Все проходит нормально». Так говорит «Алмаз-один», «Алмаз-два» подтверждает.

Спрашиваем К. П. Феоктистова, что он думает о результатах первого свидания человека с открытым космосом. Как работали системы корабля и скафандра?

— Достижение огромное,— говорит Константин Петрович.— Все, что вы видите, лишь первый шаг. Только первый. Этот полет позволит в дальнейшем значительно расширить возможности научных экспериментов в космосе, выполнять монтажные и ремонтные работы на корабле и вне его силами экипажа, переходить из корабля в корабль во время полета, выполнять ряд других операций. Вы-

дающая победа наших конструкторов, инженеров, испытателей.

А когда спросили Константина Петровича Феоктистова, что бы он ответил, если бы попытался одной фразой подытожить значение полета космического корабля «Восход-2», ученый был краток:

— Я бы ответил: время лунных стартов стало значительно ближе!

Четвертый, пятый, шестой... Число витков возрастает с четкой периодичностью — 90,9 минуты. Уже давно закончен процесс шлюзования. Оба космонавта на своих рабочих местах. Все идет строго по программе.

В момент, когда космический корабль «Восход-2» находился над территорией Советского Союза, в Свердловском зале Московского Кремля собрались руководители Коммунистической партии и Советского правительства.

Была установлена прямая радиосвязь с космонавтами П. И. Беляевым и А. А. Леоновым. Космонавты с радостью доложили руководителям партии и правительства об успешном выполнении задания Родины:

«Докладываем Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, Советскому правительству: самочувствие

экипажа отличное, системы корабля работают нормально, порученное задание выполняется в соответствии с программой, полет проходит успешно. Большое спасибо за оказанное нам доверие».

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР, Советского правительства и всего советского народа Л. И. Брежнев тепло и сердечно приветствовал отважных космонавтов и поздравил их с выдающимся подвигом. Члены Президиума ЦК КПСС, сказал он, наблюдали по телевидению, как космонавт А. А. Леонов покидал корабль и вел работу в космосе, что произвело огромное впечатление. Л. И. Брежнев пожелал космонавтам успешного космического полета и счастливого возвращения на родную советскую землю.

В ответ на приветствие космонавты заявили:

«От всего сердца благодарим за поздравление, большое спасибо за заботу о нас. Почетное задание Советской Родины будет выполнено. Горячо благодарим всех советских людей за их поздравления и добрые пожелания».

В динамиках слышен голос Главного

конструктора. Его интересует все: самочувствие экипажа, настроение, как работают системы корабля, каковы условия в кабине.

К 17 часам по московскому времени, завершая пятый виток вокруг Земли, экипаж космического корабля «Восход-2» проводил работу по намеченной программе полета. После окончания эксперимента по выходу второго пилота-космонавта Леонова в космическое пространство и краткого отдыха было определено состояние космонавтов на основании данных биотелеметрических систем врачебного контроля. Состояние и самочувствие космонавтов хорошее. Пульс в пределах 70 и 72 ударов в минуту. Частота дыхания — 18—20. В кабине корабля поддерживаются заданные условия. Температура — 19 градусов Цельсия, давление — 760 мм ртутного столба. Космонавты с аппетитом покушали, после чего товарищ Леонов отдыхал в соответствии с программой. Командир корабля полковник Беляев проводил комплекс астронавигационных наблюдений и измерений.

Мы слушаем. Для того чтобы понять, постичь все до конца, нужно сравнить. Сравнить пока не с чем, с мыса Кеннеди еще не было таких пусков. Но мечтать уже мож-

но, совершенно реально видя продолжение и успешное развитие сегодняшней победы.

Это действительно большая победа. Люди веками мечтали об этом. Сегодня выход осуществлен. Ученые различных направлений получили богатейший материал для дальнейшей работы, размышлений, новых поисков и открытий. Астрономы и биологи, связисты и телеметристы, конструкторы систем ориентации и жизнеобеспечения экипажей звездолетов могут проверить свои предположения, уточнить расчеты, подвести «баланс».

Как страшна космическая радиация? Сколь опасны встречи с метеорными частицами? Может ли человек работать в столь необычных условиях? Надежен ли скафандр? Безотказна ли вся система шлюзования? — таков беглый перечень вопросов, на которые надо получить ответы, прежде чем земляне посетят Луну и другие планеты. Это важно не только с точки зрения теории, но и актуально в практическом отношении. Это волновало ученых многих стран. Ответ дали наши, советские люди.

Седьмой, восьмой, девятый... С 8-го по 13-й виток космический корабль «Восход-2» не будет пролетать над территорией Советского Союза. С ним будет поддерживаться

радиосвязь в коротковолновом диапазоне.

За 11 часов полета корабля-спутника наземным измерительным комплексом получена большая и полезная информация о траектории полета и работе всех систем корабля. По данным измерений, все системы корабля функционировали нормально.

В дальнейшем полете экипаж будет выполнять программу исследований, поочередно отдыхая. 19 марта в 4 часа 14 минут по московскому времени корабль-спутник «Восход-2» на 13-м витке снова появился над территорией Советского Союза, на Дальнем Востоке.

Отсчет витков продолжается. Ночь занавесила темнотой окна пункта управления. Засыпает город. Погасли фонари. А здесь продолжается дежурство. Люди с усталыми, но счастливыми лицами несут «космическую вахту».

Мы ждем дальнейших сообщений. Температура на борту... Влажность... Газовый состав в кабине... Пульс космонавтов... «Заря» — «Алмаз» (напомним — их два!) — «Заря»... Обычные голоса и необычные для нас данные телеметрии.

Четырнадцатый, пятнадцатый, шестнадцатый... В 10.00 закончились первые сутки

полета. Беляев и Леонов продолжают работать. Семнадцатый, восемнадцатый... Потом начался разговор о посадке. Юрий Гагарин передал команду на борт «Восхода-2». Экипаж доложил о готовности приступить к выполнению операций спуска: «Все идет нормально. Все хорошо». Встречай, родная Земля! Твои сыны скоро вернутся к тебе.

Антенны смотрят в космос. На пункт управления полетом непрерывно поступает информация. И вот последняя. Свершилось! Обогнув много раз нашу планету, корабль-спутник «Восход-2» плавно опустился на Землю в районе города Перми.

Казалось бы, можно подумать: зачем человеку покидать корабль и выходить в космос, когда есть замечательные приборы-автоматы, ученые роботы — «глаза» и «уши» человека, способные заглянуть в отдаленные уголки океана Вселенной, дать нам ответ на интересующие нас вопросы? И все же никакие, даже совершенные, приборы не заменят в космосе человека. Они не в состоянии сделать того, что продемонстрировали всему миру П. Беляев и А. Леонов. Они были активными исследователями, творческими разведчиками неведомого. Полное и всестороннее освоение космоса — заветная мечта человека.

Что же произошло в мире? Просто еще одна сенсация? Или нечто большее? Произошла победа, значительно более важная, чем частный успех науки и техники, на одном из сенсационных участков развития человеческого знания — в космонавтике? Да, это так...

Научная обстоятельность того, что задумано и осуществлено, и перспективы на будущее, зачастую граничащие с фантастикой, говорят о разуме человека. Он проложил путь в космос. Он поможет нам преодолеть стихийные враждебные силы Вселенной, сделает возможным перелет человека на другие планеты.

„НЕ ПРЯЧЬТЕ УЛЫБКИ, ЗВЕЗДЫ!“

Вот они, герои космоса, стоят на земле космодрома в окружении тех, кто их поднял на орбиту. Еще не переоделись с дороги. В теплых летних куртках и шапках. Еще не отдохнули. Разве сейчас до отдыха? Снова увидели друзей, наставников, учителей, всех, к кому навсегда останется безграничная любовь и благодарность.

Четким шагом они направляются к членам Государственной комиссии.

— Товарищ председатель... программа по-

лета выполнена полностью,— докладывает командир корабля Павел Беляев.

— Спасибо! — и председатель крепко обнимает космонавтов.

— Молодцы! — говорит Главный конструктор.

В этой короткой похвале — благодарность за четкое выполнение программы и высокая оценка мужества героев, которое они проявили во время сложного полета. Сложного вдвойне... Человек не только пробовал выходить в открытый космос, но и звездный корабль впервые был посажен на Землю не волей автоматов, а командиром корабля.

Сегодня все сияет. И люди, и солнце, и трубы оркестра... Счастливый день. Весь Звездоград вышел на улицы, расцвеченные флагами, транспарантами, цветами. Через всю улицу на красных полотнах начертано:

«Слава космонавтам!»

«Слава партии!»

Павел и Алексей едут в открытой машине. Их забрасывают цветами. Море цветов. Море улыбок. Гром восторга...

Вечером мы встретились с героями-космонавтами.

Конечно же, опять дружеские восклицания, поздравления, расспросы о самочувст-

вии, настроении. Впрочем, можно не расспрашивать о самочувствии и настроении, лица героев сияют улыбками.

Начинаются фотосъемки. Кто-то из нас советует:

— Придвиньтесь ближе друг к другу.

— Куда уж ближе,— улыбается Павел Беляев.

У нас множество вопросов к экипажу «Восхода-2». Все они на бумаге. Но расспрашиваем совсем не по намеченному плану.

— Леша, рисовал в космосе?

— Кое-что набросал,— отвечает Леонов.— Только в бортжурнале. Не ручаюсь, что сумел схватить всю гамму красок. Космос потрясающе интересен. Мы очарованы тем, что увидели. Нам рассказывали о нем побывавшие там друзья. Но теперь мы сами посмотрели, и впечатления усилились в десятки раз. В общем, увидели такое, о чем и не имели представления.

— Что увидели, расскажите,— попросили мы.

— Ну, что же, придется. Ведь обещали,— вступил в разговор Павел Беляев.— Начинай, Леша.

— Когда я выходил из шлюза, то ощутил мощный поток света и тепла, напоминающе-

го электросварку. Надо мной было черное небо и яркие, немигающие звезды. Хотелось крикнуть на всю Вселенную: не прячьте улыбок, звезды! Правда, они все равно бы не услышали. Далеко! А жаль.

Леша говорил об огромном впечатлении, которое произвел космос:

— Вот, скажем, звезды. Наши друзья видели их голубыми, а мы — цвета червонного золота. Это горящие угольки. Они рассыпаны небрежно по всему небосводу. Долго мы смотрели на них в иллюминаторы. Зрелище потрясающее.

Не узнать сдержанного Павла Ивановича: в глазах восторженные огоньки, будто виден в них отсвет необычных космических звезд.

— Почему звезды золотисто-красные? — спрашивает Беляев и сам отвечает: — Мы смотрели на них через солнечные лучи.

— А как красиво в космосе Солнце! — подхватывает Алексей. — Сначала красная полоса, а над вторым слоем яркие палевые пространства. Такая игра красок!

В космосе намного больше видишь красок, чем на Земле. И на Земле, конечно, они есть, но не так яркие, рельефны. Я залюбовался закатом Солнца. Направо, налево, вверх повернул голову — чернота. А между Землей и

небом будто сияние — красная, палевая, желтоватая полосы. Тревожное зрелище. Чем-то сходно с картинами художника Куинджи. Только отчетливее, контрастнее и, пожалуй, мощнее краски. «Космическая природа» — особый мир.

— А когда вышел из корабля, что увидел? — спрашиваем мы у Алексея Леонова.

— Сначала выглянул из люка, — ответил он, — и увидел Средиземное море. Вода синяя, прозрачная. Огляделся. Внизу Земля, отсюда она кажется плоской. Может быть, с расстояния многих тысяч километров она видится и круглой. Но мы поднялись более чем на четыреста километров. Видели все отчетливо, ясно. Вы знаете, я летал на самолетах. Оттуда Земля выглядит словно в дымке. Далеко не все рассмотришь. А тут она словно на экране.

Над Кавказскими горами висела легкая облачность. Все равно их разглядел. Но первое, что увидел, как только вышел из кабины в космос, — берег Черного моря. Как раз летели над ним. Поискал глазами санаторий в городе Сочи, где отдыхал в прошлом году. К сожалению, не разглядел. Разве все разглядишь, когда такие скорости?

Правда, заметил в открытом море ко-

рабль. В какой-то фантастической книге, помню, герой разглядел из космоса флотилию кораблей. Все они отбрасывали на воду густые тени. Я не увидел теней — со всех сторон корабль равномерно освещался Солнцем. Перед моими глазами предстала бескрайняя Вселенная во всех четырех измерениях. Посмотришь на горизонт — ровная дуга. Прямо над собой черное небо. Солнце — не земное, раскаленный диск словно вписан в бархат. Яркие немигающие звезды. Правду говорили мои друзья — удивительная Вселенная. Куда ни посмотришь, что-то особенное, не виданное раньше.

— Скажите, а вы не встретили спутников?

— Во время полета, наблюдая в иллюминатор, мы заметили спутник. Он плыл в космосе, словно купаясь в солнечных лучах, во все стороны отбрасывал блики. Подумалось, что пройдет совсем немного времени, и наши космонавты встретят на своих трассах большие корабли. Люди будут переходить из корабля в корабль, в гости друг к другу. Наш полет — один из шагов к этому.

А теперь я расскажу о выходе из корабля. Нет, вначале пусть скажет Павел, как он провожал меня.

— Проводил просто,— поясняет Павел Беляев.— Похлопал по плечу, пожелал счастливого пути. И Алексей пошел в открытый космос. Волновался ли он? Я не заметил. Что видел в его глазах? Нетерпение, любопытство. Уж очень хотелось ему поскорее выбраться из корабля, «пощупать» этот космос. Я посоветовал Леше: «Не торопись, все делай так, как наметил». — «Ясно», — ответил он и на прощание помахал мне рукой. Хочу отметить: я доволен своим подчиненным,— с улыбкой добавляет Павел,— он был исполнителен и послушен.

— И в космосе тоже нельзя без дисциплины,— подхватывает Алексей Леонов.— Сначала я выглянул из люка. «Пора?» — спрашиваю командира. Он сдерживает — еще рано. Я послушался, конечно. Но вот слышу: «Пошел!» Тихонько оттолкнулся от люка. Легко вылетел, без какого-либо усилия и сразу почувствовал: я в космической бездне, в бескрайнем просторе.

В космосе мертвая тишина. Ведь звуки расходятся от колебания частиц воздуха, а его здесь нет. Должен признаться: я почти не чувствовал этого космического безмолвия — не было времени, как говорится, взять тишину на зубок. Какая она — не знаю. Знакомст-

во с ней отдаленное. Со мной говорил Павел, я докладывал ему обо всем увиденном из космоса, через корабль держал связь с Землей. В эти десять минут космос наполнился шумом. Один мой голос чего стоил — гремел, как труба. Потом мы с Павлом смеялись: «Такой тарарам устроили, всколыхнули космическую тишину». Представляю, сколько голосов загремит там через несколько лет. Дремучая тишина уберется куда-нибудь в закоулки.

В космосе так же легко себя чувствуешь, как и в корабле, почти никакой разницы. На мне был скафандр с автономной системой жизнеобеспечения. Я в нем, как малюсенький живой островок во Вселенной. С чем сравнить ощущение в безвоздушном пространстве? С плаванием в воде? Нет, не похоже. В воде что-то вокруг тебя. Чувствуешь опору. А тут ничего. Просто летишь за кораблем. Если отцепишься от него, улетишь в безбрежный космос. Но меня удерживал трос.

Не ощущал я и скорости корабля, своего полета за ним. Казалось, корабль повис в космической бездне. На Земле мчишься на машине, скорость заметна по деревьям, строениям, которые мелькают перед глазами. За-

кроешь глаза и то чувствуешь движение — по гулу мотора, по встряске. А в космосе ничего не мелькает. Беззвучен корабль — из него доносится только голос Павла. Корабль для меня тоже был как бы планетой. Одинокой планетой в безбрежном океане. Он казался мне огромным — видимо, потому, что его не с чем сравнивать. Фантастическое зрелище! Посмотришь на звезды — они неподвижны. Солнце будто впаяно в бархат неба. Только Земля несется перед глазами. Впечатление именно такое: не сам летишь, а Земля. Небольшое движение корабля я почувствовал, когда от него оттолкнулся. Корабль пошел в противоположную сторону. Все-таки иногда заметно какое-то движение корабля. А я не расставался с кораблем.

— И со мной он не расставался, хотя нас отделяли стенки корабля, — добавляет Павел Беляев. — Я двадцать минут не видел Лешу. Все время переговаривался с ним. Хотел, чтобы ему не было одиноко в космосе. И, конечно, следил за ним с помощью телевизора. Все видел, включил для него Москву, как раз передавали сообщение ТАСС о нашем старте. Думаю, ему было приятно. Торжественно звучал голос Левитана. Леша слышал по радиоустройству.

— Павел Иванович, каким было ваше задание на этот полет? — спросил кто-то из журналистов.

— Мне поручили быть командиром нашего экипажа и выполнять программу летчика-космонавта.

Как летчик-истребитель, в прошлом я не раз пилотировал самолет в условиях околоземной атмосферы. На этот раз мне довелось управлять кораблем-спутником в космическом пространстве.

Передо мной стояла задача: обеспечить управление аппаратурой выхода в космос и так сориентировать корабль, чтобы мой товарищ и друг мог выполнить весь эксперимент по выходу в космическое пространство, произвести необходимые действия и возвратиться в корабль в строго установленное время.

Вот, собственно, и все.

И снова рассказывает Алексей:

— У Павла было много обязанностей. Он командир корабля, — объясняет Алексей. — Он немало помог мне при выходе.

— Моя роль тут подсобная. Твой выход, — уточняет Павел.

— Когда я кувыркался в космосе, заметил Волгу. Сверху она еще более красива. Ир-

тыш увидел. Большая река. Потом опять река. Догадался — Енисей. Я ведь знаю Сибирь, знакомые места. Хочу разъяснить: я не просто смотрел, но и работал в космосе. Выполнял определенную программу.

— Первый кинооператор, снимавший непосредственно в космосе, — говорит кто-то из нас.

— А за мной следили телекамеры, — дополняет Леонов. — Фантастическое зрелище. На меня смотрят телекамеры на башенках, как большие глаза. Антенны, поблескивающий на солнце корабль. Из космоса «Восход» выглядит внушительно, я залюбовался им. Только заглушка кинокамеры мешала. Держать ее в руках надо! Размахнулся и бросил к Земле. Смотрел, пока не скрылась из виду. Скажу откровенно: мне хотелось подольше задержаться в космосе. Хотелось побольше поплавать. А плавать там приятно, интересно. Неограниченная свобода. Раскинешь руки, ноги — плывешь ласточкой. Движение руками и ногами — это очень важный процесс движений, без которого не продержишься в космосе. В общем, в космосе удобнее и проще двигаться, чем на Земле. Но задерживаться там было нельзя. Время вышло, командир позвал обратно в корабль. Приказ есть

приказ. Возвращался, как в родной дом. Меня ждал друг, я знал, что он беспокоится за меня. Да и на Земле следят, волнуются, как бы со мной чего не случилось.

— Я очень волновался за Алексея, — дополняет Павел. — Никогда, пожалуй, так не волновался. Следил за каждым его шагом. Кстати, я слышал эти шаги. Звук проходил по стенкам корабля. Алексей ступит ногами — слышно. Пошуршит руками — тоже слышно. В космосе четко передаются все звуки. Плавно, спокойно плывал Леша туда-сюда, как ему хотелось. Но, видимо, разыгралось любопытство: что будет, если сделать рывок посильнее? Вижу на экране: он резко оттолкнулся. Я не успел его остановить. Он быстро понесся на корабль. Я замер: как бы не разбил гермошлем... Но Алексей наловчился плавать в невесомости. У него стремительная реакция, хорошая координация движений. В какую-то долю секунды он изогнулся всем корпусом, выставил вперед левую руку, прикоснулся к кораблю. Рука сжалась, спружинила, и он отскочил от корабля, начал вращаться вокруг продольной оси. Отделался небольшой закруткой. А фалу отпустил из рук. Из любопытства: какое она примет положение? Фала намоталась на него.

Алексей нашел конец, быстро размотал ее. Это был внеплановый эксперимент.

— Возвращался так же, как и выходил, — продолжил Алексей. — Надо сказать, работал старательно. Еще не привык двигаться в скафандре непосредственно в космосе. Подошел к кораблю, прислонился. А корабль — в другую сторону. Еще при выходе я заметил, что корабль отталкивается от меня. Что-то вроде качелей, на концах которых стоят два человека и по очереди поднимают друг друга вверх. Интересное свойство. Только в полной невесомости такое бывает. У корабля я подумал: как взойти обратно? Проявил небольшую инициативу — кинокамеру и все коммуникации держал перед собой, а не сзади, как при выходе. Вошел. Закрыл за собой люк, меня встретил Павел. Очень обрадовался, увидев его рядом с собой.

Павел хлопнул меня по плечу, сказал: «Молодец!» — добавляет Алексей. — В свободном космосе я пробыл всего десять минут. А записи делал в бортжурнале полтора часа. Под свежим впечатлением сделал подробную запись об эксперименте.

— Трудно ли писать в невесомости?

— Нет, не трудно, надо только немного прижимать карандаш к бумаге. Почерк тогда

не меняется, такой же четкий, как и в обычных условиях на Земле.

Что еще делали? Программа была обширная. Мы вели наблюдения за космосом, работали с кинокамерами, проводили вестибулярные пробы и вели другие медицинские эксперименты. Были на корабле часы отдыха и время «обедов» и «ужинов». Спали мы по очереди.

Какой основной вывод я делаю из выхода в космос? Теперь полностью ясно: многое там можно делать. Сборка изделий, вынос оборудования за пределы корабля, ремонт. Можно без конца называть операции, непочатый край работы для космонавтов.

— Задание было необычным, сложным. Трудно ли было вам выполнять его?

— Отчетливо представляя себе всю новизну, сложность и важность предстоящего полета, мы тщательно готовились к нему на Земле с помощью огромного коллектива специалистов. Многочисленные летные и наземные испытания, совместная отработка отдельных элементов заданий и всего комплекса операций по выходу в космос, большая теоретическая, практическая и физическая подготовка позволили нам с командиром корабля хорошо отладить

взаимодействие, освоить технику проведения эксперимента и всю программу космического полета.

Наградой было полное выполнение задания на полет.

На второй день и я сказал Павлу: «Молодец!» Это было при посадке. Павел хорошо справился с ручной посадкой корабля. Система ручного управления сработала прекрасно.

— Пожалуйста, несколько слов о приземлении.

— О приземлении? Ну, как проходит корабль плотные слои атмосферы, вряд ли надо рассказывать. Это уже известно всем. Сгорели антенны, и мы потеряли, как и должны были, связь с Землей. Начали расти перегрузки. Мы перенесли их хорошо. Система посадки сработала безукоризненно.

— Это заслуга наших конструкторов,— говорит Павел.— Сели мы точно, на славу. Корабль приземлился в районе Перми. Земля приняла в снег, как в пуховую перину. Мы спустились на специальном парашютном устройстве при помощи системы мягкой посадки. Посадка была действительно мягкой. Мы приземлились меж двух огромных деревьев. Снег осел. Открыли люк, осмотрелись кругом, деревья да снег... Деревья словно об-

няли корабль. На снегу следы зверей. Мы — заядлые охотники — сразу различили: следы зайцев и птиц-косачей. Потом нам местные охотники говорили, что водятся в тех лесах волки и медведи. Мы их не видели. Кроме нас, двух космонавтов, — никого в лесу. Тишина. Поздравили друг друга с приземлением на родную землю. Оба мы родились и жили в лесных местах. Тайга нас не испугала. Достали из корабля рацию, по которой через некоторое время установили связь с самолетами, наземными станциями, Государственной комиссией. Сообщили: у нас все в порядке.

К нам полетели самолеты. Стали подходить поисковые группы. Первым нас обнял старый друг Владимир Сергеевич. Он пришел к нам на лыжах, крепко обнялись, расцеловались, а потом вблизи спустился вертолет. В нашем лесу собралось полно людей. Мы оказались в кругу близких друзей. Мы с благодарностью встретили поздравление Центрального Комитета нашей партии, Совета Министров, Президиума Верховного Совета. Нам понятно, что оно относится не только к нам, но и ко всем, кто создавал космические корабли, кто запускал на орбиту, кто руководил нами в полете.

Да, это подвиг всего народа, чей разум, знания и труд позволили воплотить в жизнь великую мечту людей земного шара.

Среди них — ученые, которые рассчитали сложные кривые заатмосферных дорог, исследовали свойства и природу верхних границ воздушного океана, блестяще провели физиологическую подготовку космонавтов.

Среди них — конструкторы и инженеры, которые спроектировали корабли, запустили их, обеспечили теле- и радиосвязь, благополучное приземление, создали замечательные скафандры, дали топливо двигателям ракеты.

Они делили тревоги и радости. Они вправе разделить и победу. Она — для всех.

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ, КОСМОДРОМ!

Космонавтов провожали солнечная погода и друзья-ракетчики. Вернувшись из своего славного полета, космонавты поехали на стартовую площадку, с которой они поднялись на космическую орбиту.

Очень теплой была здесь встреча. «Спасибо, большое спасибо», — сказали космонавты ракетчикам. И эти простые слова многое значили.

А утром — проводы, объятия, дружеские

напутствия. «Ждем новых космонавтов»,— сказал кто-то. «Приедут. Ждите,— ответил Павел Беляев.— Впереди много полетов». Еще много раз поднимутся с космодрома на звездные трассы наши покорители Вселенной...

Они поднимаются по трапу и в последний раз прощально машут.

Их ждала Москва. Ждала с нетерпением, чтобы принять в свои объятия. Ждала, чтобы проводить на Красную площадь, к Мавзолею Ленина. Здесь они были перед стартом. Сюда они вернутся снова.

До новых встреч, космодром! Такие встречи будут. Обязательно будут!

Самолет ИЛ-18 рулит по взлетной дорожке, потом стремительно убегает вдаль и уходит в сторону солнца. Он берет курс на Москву. По традиции экипаж вручает героям космоса подарки—макеты лайнера. Оба космонавта посидели в креслах пилотов, управляли кораблем.

Самолет пролетает над городом Ульяновском. Жители города шлют на борт телеграмму—поздравляют героев космоса. Телеграммы поступают из других городов. Во многих приглашение: «Приезжайте к нам в гости».

Космонавты отдохнули дорогой. Потом они пришли к нам, журналистам. Настроение

у них отличное. Вместе поем песни. Одна из них новая, мы ее сочинили сами и теперь знакомим с ней космонавтов. И Павел Иванович и Алексей Архипович улыбаются, когда им спели такой куплет:

Алеша выполнил задание:
Ходил туда, ходил сюда.
Слегка грустил о рисованье,
Не взял этюдник — вот беда.

Леонов возражает: он хотя и не взял этюдник, но сделал кое-какие наброски, которые обещает скоро показать нам. Космонавты отправляют телеграммы своим землякам с борта самолета.

Приближается Москва. Знакомые леса. Космонавты смотрят в иллюминаторы. Правда, обзор значительно меньше, чем из космического корабля, но зато ближе земля.

Из-за леса слева по борту взмыла кверху семерка маленьких серебристых самолетов с красными звездами на фюзеляжах. Они приближаются. Потом «занимают» места совсем рядом с нашим Илом. Три сзади и два по бокам. Почетный эскорт военных летчиков. Только очень дорогих гостей так встречает столица.

И — Москва. Традиционный рапорт командира космического корабля:

«Докладываю Центральному Комитету ленинской Коммунистической партии, Президиуму Верховного Совета Союза ССР, Совету Министров СССР:

Полет космического корабля «Восход-2» успешно завершён.

Эксперимент по выходу человека из корабля в космическое пространство выполнен. Самочувствие экипажа отличное.

Готовы выполнить любое задание партии и правительства. Командир экипажа корабля «Восход-2» полковник Беляев».

Они стояли рядом: командир и второй пилот. Торжественно и величаво звучал Государственный гимн Советского Союза. Число правофланговых космонавтики возросло до одиннадцати. Мир снова рукоплескал им, стране и строю, возраставшему людей, для которых невозможное не существует.

...Беляев и Леонов стоят на Мавзолее. Они рассказывают о полете «Восхода-2». Здесь, на Земле, они немного волнуются. Просто так, от счастья, необычности обстановки.

Мы давно знаем этих смелых, милых людей, идеально сочетающих в себе ум, мужество. Вся сознательная жизнь их была как бы подготовкой к грядущему подвигу. Один из них первым окунулся в холодные глубины

космоса и доказал, что человек может жить в этом безбрежном океане и работать!

Второй вел корабль по орбите и впервые в истории сажал его на Землю не волей автоматики, а своей твердой, командирской рукой. Нам еще трудно представить, насколько важно это для науки, насколько важно это для будущего человечества, смело прокладывающего пути к звездам. Ясно одно — свершен новый великий подвиг.

Мы еще не знаем имен тех, кто первыми ступят на ближайшие планеты, но они уже живут среди нас, они наши современники, и, может быть, они так же, как и в свое время Павел Беляев и Алексей Леонов, были свидетелями взлета мощных ракет с космическими кораблями в просторы Вселенной. Штурм космоса, начавшийся 12 апреля 1961 года, продолжается. И в этом нет ничего удивительного.

Помните строки В. Я. Брюсова:

Свершатся сроки. Загорится век,
Чей луч блестит на быстрине столетий,
И твердо станет вольный Человек
Пред ликом неба на своей планете.
Единый город скроет шар земной,
Как в чешую, в сверкающие стекла,
Чтоб вечно жить ласкательной весной,
Чтоб листьев зелень осенью не блекла,

Чтоб в смене зорь, закатов и ночей
Был чистый свет без облаков, без тени,
Чтоб не был мир ни твой, ни мой — ничей,
Но общий дар идущих поколений!

Уходят в прошлое годы, но их свершения остаются. Люди несут космическую эстафету дальше — к сияющей и желанной цели. А история записывает в свою мудрую книгу все, о чем она потом с гордостью будет рассказывать. Она поведаст нашим потомкам о том, какими блистательными успехами отметил свою весну 1965 год, как впервые был осуществлен выход человека в космос.

Указом Президиума Верховного Совета СССР полковнику Беляеву Павлу Ивановичу и подполковнику Леонову Алексею Архиповичу присвоены звания Героев Советского Союза. Одновременно они удостоены почетного звания летчиков-космонавтов СССР. В ознаменование совершенного ими подвига в городе Москве будут установлены бронзовые бюсты Героев.

Придавая исключительное значение космическому полету и свободному выходу в космос, впервые в мире осуществленному Алексеем Архиповичем Леоновым под руководством командира космического корабля Павла Ивановича Беляева, Центральный Ко-

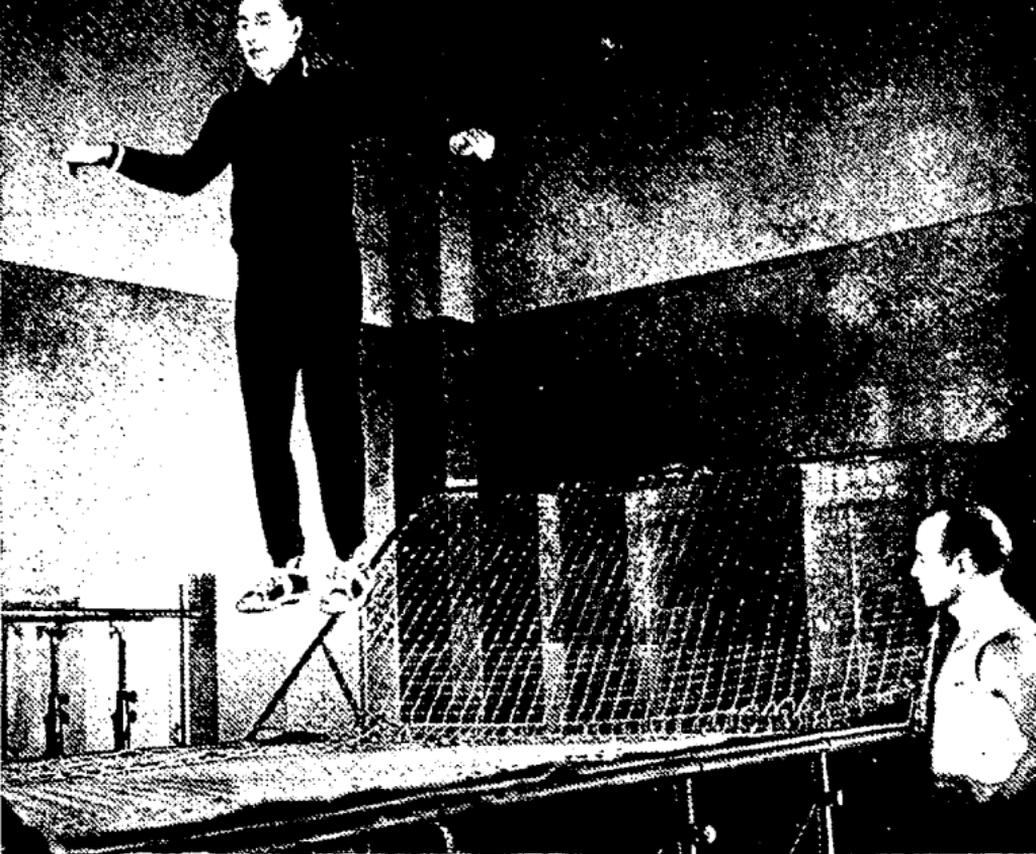
митет партии и Советское правительство решили в память об этом историческом событии сохранить навечно всю документацию и кинолентку о их полете. Решено замуровать специальную ампулу с этой документацией в Москве, у монумента покорителям космоса — памятника основоположнику космонавтики К. Э. Циолковскому. На месте, где будет находиться ампула, будет установлена мемориальная мраморная доска с надписью золотыми буквами.

Одновременно принято решение замуровать в этом же месте ампулы с документацией и кинолентками о полетах всех советских космонавтов — товарищей Гагарина Ю. А., Титова Г. С., Николаева А. Г. и Поповича П. Р., Николаевой-Терешковой В. В. и Быковского В. Ф., Комарова В. М., Феоктистова К. П. и Егорова Б. Б.

Люди будут помнить об этом в веках. Люди будут говорить спасибо. Славные дела наших современников всегда будут символом труда, мужества, верности служения Коммунистической партии, народу: И все чаще мы будем слышать гордые слова, произнесенные на русском языке: «Земля», «Космонавт»...

Павел Беляев и Алексей Леонов
на тренировке вестибулярного
аппарата.

Без этой тренировки в космос
не полетишь.

Павел Беляев готовится к оче-
редной записи физиологических
функций.

Хоккеем увлекаются все. Павел
Беляев во время игры.

Юрий Гагарин и Павел Беляев
перед парашютным прыжком.

«Ты только подумай, Павел, как описывает выход из корабля Константин Эдуардович. Наш, конечно, не такой, но ведь суть не в деталях. Главное — принцип. А здесь к старику не под-
копашься».

Даже на отдыхе
друзья вместе.

Ирина и Люда, дочери Павла Ивановича, очень любят, когда папа играет для них.

Евдокия Минаевна и Архим Алексеевич Леоновы читают сообщение ТАСС о запуске «Восхода-2».

Пока полет без отрыва от Земли.
Алексей Леонов на очередной
тренировке.

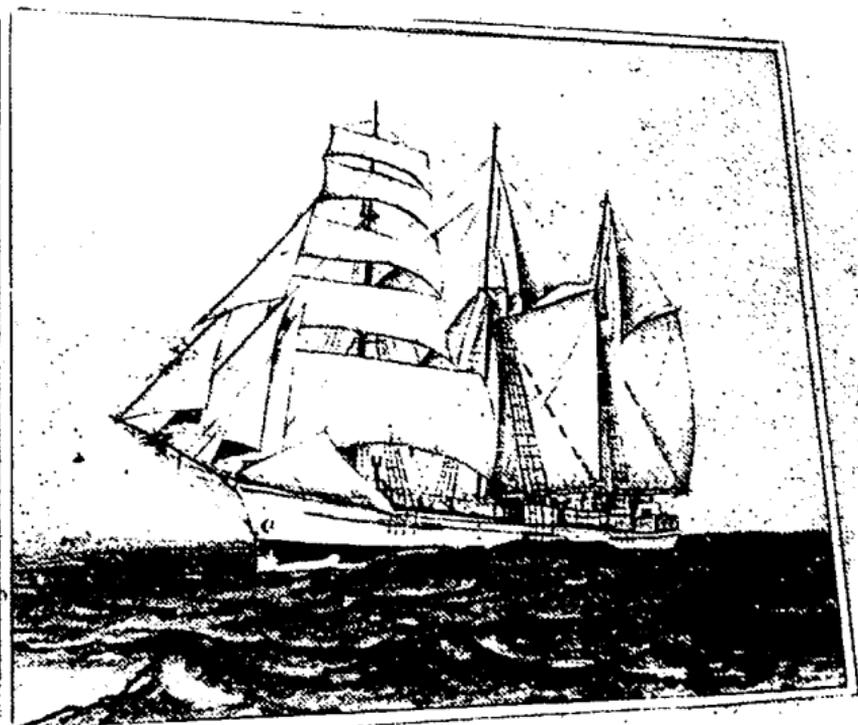

**«Не испортить бы!» Алексей
Леонов в мастерской скульпто-
ра Г. Н. Постникова.**

**«Нептун» должен выйти вове-
мя. Редактор стенгазеты работа-
ет над очередным выпуском.**

Живопись — вторая страсть космонавта. Работы Алексея Архиповича Леонова.

Семья Леоновых — Алексей Ар-
хипович, Светлана Павловна и
Виктория Алексеевна (пока еще
Вика).

Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. Холов вручает ордена Ленина, медали «Золотая звезда» и знаки «Летчик-космонавт СССР» П. И. Беляеву и А. А. Леонову.

Перед полетом Павел Иванович и Алексей Архипович побывали у обелиска в честь покорителей космоса.

СОДЕРЖАНИЕ

- 5 Это — здорово!
- 16 Время пришло
- 23 Пароль космоса — мужество
- 26 Закваска
- 33 Кем быть?
- 47 Лестница в небо
- 67 Всем несчастьям назло
- 80 Случай с товарищем
- 84 Человек создан для полета
- 84 Старые фотографии и рисунки
- 89 Путеводные звезды
- 101 Обыкновенное чудо
- 115 На полпути к космосу
- 131 Разговор с Циолковским
- 143 Странички из дневника
- 155 Когда примеряются скафандры
- 164 Старт!
- 186 «Не прячьте улыбки, звезды!»
- 202 До новых встреч, космодром!

■ Михаил Федорович Ребров
Николай Андреевич Мельников

ДАЙ РУКУ, КОСМОС!

Редактор Н. С. Хехловская
Художник В. Г. Нагаев
Худож. редактор Н. А. Юсфина
Техн. редактор Н. П. Карасик

Издательство «Советская Россия»
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Сд. в наб. 14/IV-65 г. Подп. к печ.
7/V-65 г. Ф. бум. 60×90¹/₃₂. Физ.
печ. л. 6,5+8 вкл. Уч.-изд. л. 6,6.
Изд. инд. ХД-20. А04001. Тираж
1 завод — 50000 экз. Цена 29 коп.
в перепл. Информ. письмо, май
1965 г.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного коми-
тета Совета Министров РСФСР по печати, г. Электросталь Московской
области, Школьная, 25. Заказ 469

29к.

51
5261

6017

★ Советская
РОССИЯ